

ПРОТОКА

повесть

Глава 1

Илья второй день возился на огороде с мотокультиватором, пытаясь вдохнуть в него хоть какие-то признаки жизни. Но, кажется, тщетно. С тоской глядя на полуразобранный остов, он поневоле вспомнил слова одного из основоположников научного коммунизма о том, что всякий механизм есть не что иное, как продолжение общественных отношений.

В данном конкретном случае логика общественных отношений просматривалась однозначно. Производитель «Пермские моторы» — предприятие оборонное; стало быть, мотокультиватор, относящийся к товарам народного потребления — всего лишь побочная продукция. Как всегда, такая продукция финансировалась по остаточному принципу. Дальше — больше. Мотокультиватор собирали явно в понедельник с большого бодуна, скорее всего в конце квартала, когда надо было нагонять план, чтобы не остаться без премий. Приёмщик из ОТК, свой в доску мужик с мутными, похмельными глазами, не глядя, проштамповал продукцию и — напрямик на склад. Проблем с реализацией никаких, потому что выбирать не из чего. Хватай, что дают. В общем, основоположник со всех сторон прав, хотя учение и было признано ложным.

Если всё делать по уму, то Илья на другой день свёз бы эту «сыромятину» на свалку и забыл про неё, как дурной сон. Но у отца были свои заморочки: он на этот культиватор в своё время записывался в Совете ветеранов Афганистана и почти год ходил отмечаться в очереди. Теперь он по десять раз на дню заглядывал к Илье в закут, за баньку, и молча стоял в сторонке, попыхивая сигаретой. Потом осведомлялся:

— Ну, как?

Илья неопределённо пожимал плечами. Мол, сам видишь. Не дождавшись внятного ответа, отец хмыкал и поворачивался уходить.

— А говоришь, автодорожный кончал. В Москве, — уже из-за баньки доносилась ворчливая реплика. И шаркающие шаги в новых, сверкающих калошах.

Старый, конечно, был не прав, обвиняя всех и вся, но только не совковое «чудо» техники. А с этим «автодорожным» он Илью давно достал: никак не мог простить, что сын после двух курсов сделал оттуда ноги. Илья, в свою очередь, никак не мог объяснить отцу, что на кутарки, которые он зарабатывал в свободное от лекций время, и на стипендию в Москве сегодня не протянешь даже неделю.

Вечерело. В тёплом воздухе обильно толклась мошкара, а в окнах окрестных домов плавилось золотом закатное солнце. На сегодня, решил Илья, этого «чуда-юда» с него хватит.

На случай дождя он накрыл разобранное хозяйство куском полиэтиленовой плёнки. И придавил плёнку по углам кирпичами. На случай ветра. Хотя ни того, ни другого завтра, похоже, не ожидалось. Взялся оттирать ветошью руки. В этот момент из-за баньки снова послышались шаркающие шаги. Потянуло сигаретным дымком.

— Там тебя какой-то хмырь спрашивает. Иди, встречай.

Илья фыркнул. Если «хмырь», да ещё какой-то — значит, сосед Пашка Лысков пожаловал. Через улицу наискосок живёт. Но сосед не сосед, а звания выше «хмыря» Пашка перед отцом не выслужил. Старый даже дверь с улицы не отпер. Иди, встречай, говорит...

А дело было так. Илья приехал на летние каникулы и тащился с вокзала по жаре с тяжёлой заплечной сумкой. Вдруг от гастронома наперерез бросился к нему какой-то костлявый хмырь, схватил за рукав и яростно зашепелявил: «...Я ей сказал... а она мне вот так, болта! На! Нет, ты пойми правильно, я ж тебя урою, другого раза не будет. Ему кранты и тебе кранты. Понимать должна, курва ты драная... Я правильно говорю?..»

Илья машинально кивал, не понимая, кто перед ним, и чего человеку надо. Изю рта пахнет гастритом и махрой, в руке авоська, набитая пачками дешёвого чая. Чифирила, похоже. Спросил:

— Мужик, ты кто?

— Илюха, ты чё в натуре? — изумился хмырь. — Своих не узнаёшь! Ну... думай, думай! Пашку забыл, а?.. Ну, ты даёшь, педрила! Дай обойму!

За три года отсидки зона переделала Пашу Лыскова под себя. Глаза запали, превратились в буравчики. Зато надбровные дуги и нижняя челюсть выступили вперёд. Лицо потеряло былую округлость, заострилось, остро обозначился кадык. К тому же, в зоне Паша потерял передние зубы, ссутулился, приобрёл привычку стричься накоротко и носить на роже недельной давности щетину.

Вернулся Паша с зоны другим человеком, но, похоже, к своим старым семейным проблемам. Любимая Танюшка эти три года жила как ей нравилось, по принципу «однова живём!» Дом превратила в свинарник, дети соответственно похожи на под-свинков, грязных, вороватых и нездоровых. Правда, некоторые подвижки в сумеречном сознании сидельца всё же произошли: иногда в минуты просветления он называл свою драгоценную Танюшку «курва драная», «сучара беспонтовая» и просто «мать-перемать», но, тем не менее, продолжал с покорностью осла тащить свой семейный крест в светлое, как ему, вероятно, казалось, будущее.

...Илья вышел за ворота.

Сосед сидел на скамеечке возле палисадника, угрюмо глядя перед собой отрешёнными, пустыми глазами. Всё было понятно без слов: любимая Танюшка в очередном загуле, празднует жизнь где-то на стороне. Дома, понятное дело, не ночевала.

Илья тяжело вздохнул, сел рядом.

— Ну? Чего у тебя?

Пашка нелепо ворохнулся, как старая, больная ворона, выудил из кармана бутылку «Пшеничной».

— Будешь?

Илья нехотя кивнул.

— Пошли в огород. У меня стаканы там... Закусь растёт.

— Да нет, тащи сюда. Дядя Афоня косяк чё-то на меня давит. Будто я картошку у него выкопал.

Илья отправился в огород. Нашарил в парнике пару огурцов, нащипал с гряды зелёного лука и сполоснул у колодца. Вопреки ожиданиям, Паша Лысков грузить соседа своими семейными проблемами не стал. Молча хватанул полстакана водки и захрустел огурцом. Илье стало искренне жаль мужика. Сломается скоро, точно.

— Слушай, Пашка. Через пару дней сезон открывается. Давай с нами, а? На неделю?

Павел подумал, покачал головой.

— Судимость у меня. С судимостью ружьё не положено.

— Отобрали, что ли?

— Ну.

— Да без проблем! Егорыч своё прихватит. Я, говорит, по тайге больше не ходок.

Рыбачить старый собрался.

— И куда, будто бы?

— Порыш, приток Камы. За Ожмегово где-то.

— Ну, вы даёте! Это ж километров двести пилить?

— Если по прямой. А по кривой все четыреста, не меньше. Егорыч, кстати, сам третьего предложил. По бензину, говорит, дешевле выйдет.

— Когда собрались? — без особого интереса в голосе осведомился Лысков.

— Егорыч пока с машиной возится. Вчера раздатку с ним перебрали. В общем, к субботе обещал.

— Он всю жизнь со своим «козлом» возится.

Илья усмехнулся про себя.

«Как ты со своей козой, с Танькой». — Вслух, однако, сказал: — Думай, короче. А то Егорыч своего человека найдёт. И не будь дурачком, Пашаня! Поездка уникальная. Там сто лет нога человека не ступала.

Пашка промолчал, но утром чуть свет уже барабанил ногой в ворота. Илья, не успев толком проснуться, выглянул в окно. Зевнул.

— А, ты? А я думал, милиция.

— Ну, едем, что ли?

— Мы с Егорычем точно едем. А про тебя не знаю, семь пятниц на неделе?

— Ладно, не буровь. С собой чего брать, если на неделю?

Илья вытаращил на него удивлённые глаза.

— Ты что, в первый раз? Водки, конечно, и чем больше, тем лучше.

Пашка что-то буркнул. Ушёл. Илья отправился досыпать. Но через пару часов в ворота снова забарабанили. Илья пошёл открывать. На земле, возле порога, стоял ящик водки.

— Хватит? — деловито осведомился сосед.

Илья почесал в затылке. Похоже, юмор Пашаня понимает слишком буквально.

— Ну, сам знаешь, водки много никогда не бывает, — уклончиво ответил он.

— Хватит или нет, спрашиваю?

Илья рассмеялся.

— Если Танюшку свою возьмёшь, конечно, нет. В два дня уйдёт. А так, вполне даже.

Егорыч, узнав, что третьим в их компании будет Павел Лысков, изумлённо выкатил на Илью выцветшие с возрастом, голубенькие глазки.

— Ты на кой ляд этого лося рогатого с собой взял? Он шиз натуральный!

Услышав, однако, про ящик водки, замолчал. Проблема была закрыта.

Ездил Егорыч на стареньком ГАЗ-69, в просторечии «козлик», который если и был помоложе самого Егорыча, то очень ненамного, лет эдак на пять-шесть. Зато на

здешних «фронтowych» дорогах он ни на йоту не уступал в проходимости и живучести нынешнему новоделу российского автопрома. Когда-то Егорыч возил на нём районное начальство, потом выкупил по остаточной стоимости и превратил в конфетку. По сути, этот «газик» был смыслом и образом всей его жизни. Когда бы Илья ни зашёл к Егорычу в гараж, тот вечно что-то крутил, паял, резал, красил, вытачивал, варил. Как-то раз Илья даже посмеялся.

— Тебе, Фёдор Егорыч, не надоело камасутрой с утра до вечера заниматься?

— Это ты про чего говоришь? — отозвался из ямы Егорыч.

Илья понял: слово «камасутра» человеку неизвестно.

— Ну, это? Сверху, снизу, сбоку, сзади, спереди. Тебя Петровна не ревнует за такие дела?

До Егорыча, наконец, дошло.

— В наши-то годы... ревновать? Курам на смех.

Глава 2

Из города выехали чуть свет, около четырёх утра.

Паша Лысков сел впереди, рядом с Егорычем. А Илья на пару с Шариком разместились сзади. От предстоящей поездки щенок явно перевозбудился. Стоя передними лапами у Ильи на коленях, он торчал чёрным, влажным носом в приспущенное стекло и внимательно разглядывал бегущие по сторонам пейзажи. Иногда вдруг тьякал, если что-то привлекало его внимание, и глухо перекатывал в глотке рыкающие звуки. А то, расчувствовавшись, вдруг лизал хозяина в нос или прямо в глаз.

В их семье без собаки не жили никогда. Дед у Ильи, созлый охотник, держал по две, даже по три собаки одновременно, для разных охот и разных сезонов, и это при талонной системе распределения в стране, было неплохим подспорьем. На отсутствие мяса не жаловались.

Шарика взяли из хорошего гнезда, от русско-европейской лайки. Помогли старые, ещё дедовские связи. И характер проявился сразу: щенок трёх месяцев от роду «охоту» начинал прямо от порога. Беспощадно душил соседских кур, гусей, драл кошек или, загнав кота на дерево, облаивал его там сутками, так что звенело в ушах. За кур, гусей приходилось, конечно, откупаться. Но проказливого щенка никогда не наказывали, хотя отец, бывало, ворчал: «Не собака... сплошной убыток. Одних калош передрал немерено».

Первые два часа ехали по разбитому, искуроченному асфальту в сплошных воронках и колдобинах, лишь кое-где подсыпанных гравием. Егорыч крыл матом и едва успевал крутить руль, машина виляла от обочины к обочине, спотыкалась, пятилась назад, но избежать удара по подвескам не всегда удавалось. Наконец, слева тонким лезвием блеснула излучина реки.

— Кама! — Лысков почему-то тяжело вздохнул и выбил из пачки сигарету.

Егорыч покачал головой.

— Ещё не Кама. Это у неё так, хвостик. Как у слона, к примеру.

Впереди по бугру серой, унылой цепочкой вытянулся посёлок городского типа Афанасьёво, столица района. Перестройка и здесь, в глуши, поделила людей на четыре процента богатых и девяносто шесть процентов нищих: добротные хоромы под оцинковкой с припаркованными у дворов тракторами и «КамАЗами» посреди вросших в землю по самые окна, скособоченных изб и полусгнивших плетней. Объединяло, пожалуй, одно — изуродованные гусеничными траками, непролазные по осени улицы. Даже притормозить у синего, облупленного киоска ради сигарет, газировки никто желания не изъявил.

Когда посёлок проехали, Паша Лысков вдруг хохотнул и обернулся к Илье.

— Слышь? Это Афанасьёво не в честь твоего отца назвали?

Илья укоризненно покачал головой.

— Ну, ты неуч, Пашаня!

— А чё такое?

— Афанасьёво в честь тверского купца Афанасия Никитина поименовано. Причём, специальным указом царя Ивана Грозного. Купец после того, как торговые связи с Индией наладил, через год сюда прибыл. Со своим караваном.

— Сюда-то на хрена?

— Ну, блин! Я же говорю: торговать!

Паша пожал плечами. Задумался.

— Они чего там, в этой Твери, лаптей не нашивали?

Грунтовая дорога, покуролесив по разъезженной, ископыченной поскотине, нырнула в сырую лошину и вдруг вымахнула на высокий берег Камы, поросший редкими, огромными соснами и развесёлым березняком, пронизанным насквозь солнечными пятнами. Вдоль левого, низкого берега Камы тянулись роскошные пойменные луга, уже покрытые отавой, уставленные стогами сена, а дальше до самого горизонта — бесконечные, синие просторы тайги, теряющиеся в сизой дымке, с многочисленными блюдцами озёр.

После убогого посёлка, унылого, покрытого серой пылью, грязного — все трое испытали нечто похожее на шок.

— Вот так да!

Егорыч крикнул, покрутил головой. Даже Шарик проникся чувством прекрасного: он ткнулся холодным носом хозяину в лицо, лизнул и залился таким счастливым щенячьим лаем, что зазвенело в ушах.

— Егорыч, давай остановимся, — предложил Илья. — Поразмяться надо.

Шарик первый выскочил из машины и, как ошпаренный, начал нарезать среди сосен круги, петли, зигзаги из стороны в сторону, тьякал, припадал на передние лапы и снова мчался, будто чёрная молния, то исчезая, то появляясь вдруг из-за спины. Егорыч некоторое время наблюдал за ним. Потом хмыкнул.

— Дури-то сколько... В глазах рябит.

Паша Лысков запалил сигарету и, на ходу расстёгивая ширинку, направился к близстоящему дереву. Егорычу это не понравилось. Ворчливо осведомился:

— Неуж такую красоту, — он широко повёл вокруг себя рукою, — мочой поливать будешь?

Пашка на ехидное замечание шепеляво огрызнулся:

— Мне чего теперь, назад в деревню идти мочиться?

— Ишь, ты!

Егорыч изумлённо сдвинул кепку на затылок.

— А ты, малай, между прочим, правильно мыслишь. В посёлке нашем впрямь только срать да мочиться. А здесь, — он опять повёл вокруг себя рукою, — здесь Богу молиться!

С полчаса посидели на высоком яру, над Камой. Выпили по сто граммов за Храм Божий, слегка перекусили. Илья бросил подбежавшему щенку кусок ливерки, но тот лишь ткнулся носом и убежал куда-то по своим собачьим делам.

— Путёвый пёсик, — заметил Егорыч. — Пожалуй, толк будет.

Илья кивнул. Рабочая собака в лесу подачек не берёт.

— Кстати, вы оба молодые ещё, от советской власти мало прихватили, но анекдот такой был. Может, помните? Накрутили, значит, наши производители ливерной

колбасы, знак качества само собой поставили, но решили за границу на выставку отправить, чтобы международные призы, медали получить. Отправили. Там, конечно, экспертиза... то, сё. Через месяц приходит ответ: «Ваш кал в пределах нормы».

Егорыч помолчал. Хмыкнул.

— Я сам на этой ливерке вырос. Сначала школьные пирожки с ливером, потом на закусь за милую душу шла. Да чё там, один я разве?

Паша долго думал. И не согласился.

— Ливер ливеру рознь. Его готовить уметь надо.

— Ты, малай, как всегда прав. У нас вся страна, кроме Москвы, пожалуй, ливер тогда кушала. В пределах нормы который. А вот куда мясо девалось, до сих пор в толк не возьму. Его ж на выходе, с туши, раз в пять больше должно быть.

Илья вспомнил про отцовский мотокультиватор. Рассмеялся.

— Егорыч, так ливер этот из мяса же и делали!

— Это как?.. Добро на дерьмо, что ли?

— Ну! Берёшь одну часть мяса и три части туалетной бумаги. Получается школьный пирожок с ливером.

— Хе, ловко! И подтираться не надо.

Поиски истины прервал звонкий щенячий лай метрах в двухстах от дороги, в глубине леса. Егорыч, кряхтя, поднялся на ноги. Прислушался.

— Белку облаивает... недопёсок.

Илья кивнул.

— Его теперь до ночи не отозвать. Идти придётся.

— Сбегай давай. Мы пока соберёмся тут с Пашкой.

Илья вернулся к машине минут через двадцать с Шариком на руках. Затолкал недовольного щенка в салон. Сел сам.

— Не даётся бандюга. Кое-как поймал.

— Ничего... наворачстаем.

Глава 3

Старенький «козлик» резво покотил по камским буграм на север, вниз по течению реки. Грунтовая, извилистая дорога — не разбитый асфальт, по крайней мере, зубы на рытвинах не чакают, и хотя в низких местах стояли непросохшие, грязные лужи с глубокими колеями, помехой они не являлись. Егорыч включал пониженную скорость, передний мост, и машина уверенно, без напряжения выбиралась из ямы.

Пейзажи перед глазами разворачивались необыкновенные, и ни один не повторял другого. Река иной раз сужалась в глубокой лощине до ширины не более двух десятков метров с тёмной, почти чёрной водой и подступающими к самому берегу могучими ельниками, то выбегала на простор, будто вырываясь из плена, и рассыпалась серебром на длинных перекатах. Иногда она превращалась в сказочный омут, где непременно должны были водиться русалки, а по дремучим берегам всякая лесная нечисть. Как вдруг взорам открывался широченный плёс с тихими заводями и старичными озёрами, с таинственными проточками, которые легко угадывались с высокого правого берега. Иной раз места проезжали такие, что Илья с Пашей не выдерживали и начинали уговаривать Егорыча, чтобы тормознул, хотя бы удочки помочить, что ли? Бросить пару раз спиннинг. Егорыч кивал, соглашался, мол, да, место отличное и — гнал машину дальше.

Один раз, правда, уговорили. На спиннинг. Илья выскочил на берег, сделал около десятка забросов, как вдруг... удар! Мощный. Не какой-то голавлик. И повело

в сторону. Илья начал сматывать катушку и почувствовал сильное сопротивление. Тут же дал слаbinу и... всё. Сошла рыбина.

Егорыч с подозрением осмотрел блесну.

— Это на окуней фитюлька. На бершика, может. А на такую тройник надо бы, крепкий.

На возбуждённые уговоры остаться, Егорыч согласно кивнул.

— Оставайтесь, а чего? Через неделю назад поеду, подберу вас.

Делать было нечего: хозяин — барин. Погрузились и покатили дальше. Попадались изредка деревушки из четырех-пяти оставшихся изб, таких же ветхих, как проживающие в них одинокие, наверняка, брошенные кем-то старухи. Одна такая бабка, заслышав звук мотора, выползла на крылечко и долго глядела из-под руки: может, надеялась, завезут из посёлка хлебушек да керосину для лампы, тогда будет с чем повечерять.

Когда изрядно отъехали, Егорыч мрачно заметил:

— На её «пензию», небось, коту не прокормить. Если она ещё есть, эта пенсия.

Илья усмехнулся.

— На её пензию, Егорыч, в Москве храм Христа Спасителя отгрохали, из чистого золота. Теперь будут бабке грехи отпускать.

— Разве что...

Спустя, примерно, час показалась большая деревня Бисерово, известная тем, что в своё время здесь отбывал царскую ссылку писатель Короленко Владимир Галактионович. После себя он оставил несколько безрадостных записей о здешнем житье-бытье, чем местные пошехонцы вместо того, чтобы стыдиться, всегда очень гордились и передавали воспоминания о писателе из поколения в поколение, оснащая их всё новыми «достоверными» подробностями.

Здесь, в деревне, путешественников поджидало неприятное и одновременно забавное приключение. Неожиданно на дорогу, прямо под колёса, вывалился откуда-то сбоку ражий детина, босой и вдрызг пьяный. Детину сильно мотало, но в руках наготове он держал двухметровый берёзовый кол и явно примерялся грохнуть колом по лобовому стеклу. Егорыч, не дожидаясь, поспешно сдал назад и остановился метрах в десяти от парняги. Тот уставился на машину бычьим, бессмысленным взглядом... но вдруг вскинул кол над головой и нарасшарагу бросился вперёд. Егорыч снова сдал назад и — вовремя. Кол обрушился на дорогу перед капотом, и вслед за колом рылом в землю рухнул сам пошехонец.

Тело благополучно объехали по обочине и покатили дальше.

— Ишь, ты! — неожиданно пожалел Егорыч. — На жизнь крепко обиженный бе-долага. А вот кого бы ударить, не знает.

Илья сзади гыгыкнул.

— Э? Ты чё там зубы-то мылишь?

— Не прав ты, Егорыч. Это он на твоего «козла» вызверился. На таких теперь никто не ездит. Зря державу позоришь.

Егорыч, конечно, зачертыхался.

— Я вот счас тебя высажу к едрене-фене! Иди, обнимайся тогда с уродом!

Высаживать, правда, не стал. Зато когда подъехали к броду, велел натянуть болотники и идти впереди машины, промерять дно. Необходимости в этом не было никакой: уровень воды в это время года всегда был низкий, к тому же, стояла сухая, без дождей погода, и весь брод с мелким камешником на дне просматривался от берега до берега. Илья спорить не стал, с удовольствием пошлёпал по хрустально-чистой

воде, поплескал на лицо, на шею и с наслаждением попил, зачерпывая в пригоршни вкусную, наверняка живую, родниковую воду.

— Ага-га-га-га-а!!! — неожиданно для себя заорал Илья, вскидывая вверх руки и потрясая кулаками. Конечно, от избытка чувств.

Из машины звонким, отчаянным лаем отозвался Шарик. Начал царапать стекло. Едва выехали на берег, Егорыч сам выпустил его на волю, и щенок, взбивая фонтаны воды, заметался по броду, вылетел на берег и так яростно, сильно отряхнулся, что в водной взвеси на мгновение зажглась разноцветная радуга.

Зато Паша Лысков, похоже, снова впал в ступор. Он сидел у кромки воды в обычной для зека позе, на корточках, и сосал давно потухший окурок. Жизни в глазах не было, точно. Это заметил Егорыч. Он выудил из кабины бутылку водки, два стакана. Налил по сто пятьдесят.

— Держи, малай.

Подав огурец, Лысков машинально опрокинул стакан в рот. Огурец, забытый, остался у него в руке. Егорыч хмыкнул, забрал огурец. И отошёл к машине.

— Дай бог здоровья, — бормотнул себе под нос. И тоже выпил. Крякнул уткой.

— А я? Ты чё, Егорыч, охренел?! — возмутился Илья действиями мировой закулисы.

— За руль сядешь, Илюха, не гоноши. Притомился я малость, года не те, видно.

Спустя полчаса Егорыч дремал в машине, на заднем сиденье, подложив под ухо телогрейку. Дремал Шарик, положи морду деду на колени. Храпел Паша Лысков, стуча виском на рыгвинах в боковое стекло. Уже на ходу он допил из горла початую бутылку водки и отрубился. На полуслове.

Илья остался один.

Глава 4

К Ожмегово подъезжали в густеющих сумерках, почти ночью. У причала Илья разглядел разбитый буксир; похоже, Кама в здешних местах была вполне судоходной, пусть даже для маломерных посудин. В остальном, от посёлка осталось ощущение временности и неуютности, будто его сляпали кой-как, на скорую руку. Типичный населённый пункт с преобладающей архитектурой барачного типа.

Заехали на заправку. Но рабочий день, как оказалось, закончился два часа назад. Егорыча этот факт не смутил: он постучался в ближнюю избу, в ставень, и выяснил у хозяина, где живёт заправщик. За бутылку водки пожилой, угрюмый мужик в майке и валяных ботах залил им бак под самую завязку 76-м бензином. Впрочем, других марок, судя по скрученным шлангам, на заправке не было.

Пока суть да дело, сумерки стусились окончательно.

— Мы куда теперь? — полюбопытствовал Илья. — В гостиницу?

Егорыч молча вырулил с заправки и погнав машину куда-то в темноту по ухабистым улочкам.

— Раскатали губу. Гостиницу им подавай, пять звёзд, — не сразу отозвался он. — А под ёлкой не хочешь заночевать?

Илья рассмеялся.

— Я и под ёлкой могу. А вот ты, Фёдор Егорыч, зря радикулит свой не бережёшь.

— Пожрать тоже не мешало бы, — подав голос Паша Лысков.

Оба пожелания Егорыч проигнорировал. Машина выскочила на окраину посёлка, и вскоре дорога пошла лесом, потом и вовсе началась глухомань. Впрочем, Егорыч неплохо в здешних местах ориентировался даже ночью; на перекрёстках дорог

уверенно сворачивал то вправо, то влево, пару раз переезжали по бревенчатым мосткам какие-то речки. Наконец, Илья не выдержал испытания неизвестностью.

— Мы что, прямиком на Порыш? Али как?

Егорыч покачал головой.

— Дружок у меня тут, на кордоне. Если не помер ещё.

— Это далеко?

— Да как сказать? Километров сорок будет, нет?

— У-у-у! — в голос заныли оба пассажира. Полтора часа минимум, по таким-то колдоёбинам!

— Всё, Пашаня, доставай тушёнку. У меня тоже кишка кишке колотит по башке.

— Потерпите малость, ребята. Не пожалеете, — извиняющимся тоном попросил

Егорыч. Наддал газу.

Было в его интонации что-то такое, что «ребята», не сговариваясь, решили права не качать.

— Кто он? — поинтересовался Илья.

— Лесник, вроде как.

— Вроде как... это как?

— Старый стал, на пенсии. И лесхозы позакрывались все. Воруи — не хочу.

— А что, воруют?

Егорыч даже отвечать не стал. Вскоре общее внимание привлёк заяц, который выскочил на дорогу и теперь прыгал в ярком свете фар, смешно подкидывая задом. Паша Лысков алчно заметил, что это вовсе не заяц, а самый настоящий ужин скачет; особенно если к нему свининки добавить и затушить с картошечкой. Предложил спустить кобеля. Но Егорыч инициативу пресёк на корню: лайка, которая зайца гоняет, назидательно пояснил он, считай, порченная собака. Так что ты, малай, тут лишку не муди. Но «малай» уже вошёл в азарт и начал расчехлять ружьё: всё равно, дескать, косога грохну. В этот момент на очередном повороте свет фар резко ушёл в сторону, и «ужин» благополучно скрылся в лесу. Лысков тяжело вздохнул и — обмяк.

— Связался я с вами! Сосите лапу теперь, — недовольно пробурчал он, засовывая стволы обратно в чехол.

Возле очередного поворота Егорыч слегка притормозил, чтобы оглядеться. Довольно кивнул.

— Приехали, кажись?

Через пять минут свет фар скользнул по какому-то деревянному настилу (оказалось, глухой забор) и упёрся в трёх метрах в ворота. Егорыч несколько раз подавил на клаксон.

— Забор откуда-то? Сроду не было.

Выключил мотор. Стало слышно, где-то в глубине редко и басовито взлаивает собака. Минуты две-три подождали, но никакого движения, даже стука за забором. Дом словно вымер. Егорыч озабоченно повозился, посигналил ещё раз. Открыл дверцу. Тотчас в приотворе появился ружейный ствол и упёрся Егорычу под мышку.

— Кто такие? — хрипло и жёстко прозвучало из темноты.

Егорыч фыркнул.

— Иване? Ты, что ли, выкаблучиваешь? Ну-к, Илюха, включи ему свет.

Илья щёлкнул кнопкой. Салон осветился.

— Федька... мать твою! — охнуло снаружи.

Когда Илья выбрался из машины, оба старика стояли в обнимку, уткнув седые головы друг другу в плечо. Потом Егорыч кой-как отлепился и отошёл в темноту,

прижимая к глазам скомканную в кулаке кепку. Плечи его вздрагивали. Они так и ушли вдоль забора, разом забыв и про оставленную у ворот машину, и про парней.

Ворота открыла хозяйка — пожилая, словоохотливая, с добрым, открытым лицом.

— Вы уж простите их за бога ради. Старые они, да и лет двадцать не виделись.

А что с ружьём встретил, так пошаливают у нас какие-то, оборону держит.

Илья загнал машину во двор. Прихватили с Павлом пару бутылок водки, продукты и следом за хозяйкой отправились в избу. Дверь была нараспашку. Топилась русская печь, похоже, на ночь уже протопленная. Хозяин в горнице настраивал керосиновую лампу, протирал стекло, заправлял керосином, Егорыч возле подтопка возился с дровами.

Познакомились.

— Слышь, мужики? Может, электричество кому надо? — засомневался хозяин. — У меня там, в сарае, от тракторного движка приспособлено. Мигает только зараза.

От электричества отказались, керосинка показалась в самый раз. Начали собирать стол. Малосольные огурцы, помидоры, отварная картошка, пара селёдок, хлеб, — меню известное. Но когда оголодавший Паша Лысков собрался вскрыть банку тушёнки, хозяин его остановил.

— Тушёнку ты, брат, оставь. Пригодится ещё, мало ли. А мясо нам сейчас живо спорят. Я правильно говорю? А, мать?

— Пусть прогорит маленько, Вань, — живо отозвалась от печи хозяйка. — Угощайтесь покуда.

— Вот и я говорю, за стол пора. Садитесь давайте, гостюшки.

Сел сам. Был дядя Иван чуть повыше Егорыча, чуть посуше, пошире в костях, поплешивее и, как выяснилось потом, на пару лет старше. Тёмное, задубелое лицо в серебряном окладе из запущенной щетины и остатков волос.

Выпили за встречу. Потом за знакомство. Уговорили выпить хозяйку. После третьей рюмки, узнав, куда они собрались, дядя Иван с сомнением покачал головой.

— Нет, Фёдор, я бы не посоветовал туда ехать.

— Не доберёмся, думаешь?

— Да как сказать? После меня на триста вёрст жилого духу не будет. Дороги, сам знаешь, соответственные. Потом в болотину упрётесть, её хрен объедешь. Да и позарастало всё.

— Гать зырянская сохранилась? Нет?

Иван кивнул.

— Проезжали как-то на лошади, с телегой ещё. Это когда Васька Солоницын пропал. Искать ездили.

— Васька? Васька?.. Из Лойно который?

— Ну, дак... он и есть. Чемоданом прозвали, местные.

— Когда было-то?

— Не нашли мы его. Неделю искали. Лодку нашли, на берег вытащили. Она и сейчас там, а самого... как в воду канул. Когда было, спрашиваешь? В прошлом году, в это же время, считай. Август месяц. В позапрошлом, до Васьки, ещё мужик пропал. Этого я не знаю, из приезжих какой-то. Вроде вас. Места те же самые. Поздно, правда, спохватились искать. По застылку уже. Ни одного следочка не осталось. Хотя бы кострище, что ли?

— Он как туда добирался? Через тебя?

Иван качнул головой.

— На лодке, говорят. От Лойно. А может, кто нарочно угробил. У него будто бы мотор хороший был, японский. И лодка под стать мотору. Кто знает? Дак у нас тут не

за такое угробить могут. Я чего, думаешь, забором огородился? Возвращаюсь как-то... в Ожмегово за продуктами ездил, а мать, гляжу, в голос ревёт: у ней на глазах двое недоносов каких-то кабанчика зарезали. Прямо из хлева, говорит, выволокли, а на неё ноль внимания. Потом в коляску в мотоцикл тушу забросили и — ходу. Ищи их.

— Ну, так знали, выходит, что тебя нет дома. Знакомые кто-то.

— Нынче вовсе поджечь пытались. Так, из пакости. Ну, я этих бекасятиной на славу угостил. До сих пор, поди, дробь из задницы ковыряют. Нет, Федька, ты мне не говори: народишко дрянь пошёл. Любого к стенке ставь, не ошибёшься.

Неспешный стариковский разговор перебил звук брошенного на раскалённую сковороду, шкворчащего мяса. По горнице вдруг распространились такие ядрёные, аппетитные запахи, что мужики поневоле завозились и повертели носы к печи. А посмотреть и вправду было на что. Хозяйка поставила в печь на угли две огромные чугунные сковороды, по полметра в диаметре каждая, не меньше. Умудрилась срезать со свиной туши тонкие, как блин, куски мяса, присолила и обжаривала с обеих сторон, присыпая лучком.

— Ух, ты! — Паша Лысков смачно сглотнул слюну. — Я и сковород таких в жизни не видел.

— Артельные это, — пояснил дядя Иван. — Из приданого у ней. Отец в плотогонах одно время ходил. Скажи, мать?

Женщина засмеялась. Интерес был ей понятен.

— Сейчас, мужички, готово уже. А то заморила вас, хозяйка называется. Ивану-то нипочём, недавно ужинали. А гостей картошкой варёной потчует, негодник.

— Кабы картошкой! А то ружьё вон под рёбра сунул. Ты кто такой, спрашивает, — подъелдыкнул Егорыч, обнимая друга за плечи. — Давай, Иване, наливай под свининку. Давно я тебя, старого обормота, не видел.

— Слава богу, собрались в кои-то веки.

Выпили. Мясо получилось — пальчики оближешь. Скорожарка, по-здешнему. Хозяйка пекла его, как блины, и только посмеивалась, глядя на оголодавших мужиков, на которых и впрямь без улыбки смотреть было невозможно. В перерыве между порциями Илья, по просьбе трудящихся, сходил ещё за бутылкой. Заодно проверил Шарика. По приезде щенок тщательно обследовал двор со всеми закоулками, но ночевать забрался в машину, благо дверцу оставили для него открытой. Илья отломил ему ещё кусок колбасы и отправился в избу, подсвечивая дорогу фонариком.

— Дядя Иван, всё спросить собираюсь. Сюда едем, места — богатейшие. Живи — не хочю! А на людей посмотришь, хуже нищих. Не строится никто почему-то?

Иван даже крякнул с досады.

— Ты где людей тут видел?

Илья не понял вопроса. Недоумённо пожал плечами.

— Ну... как?

— Да хоть Васю Солоницына, к примеру, взять. Который пропал. Его почему Чемоданом прозвали? Он когда из мест лишения освободился, с одним чемоданом оттуда вышел. Ни кола ни двора. Всё на родину собирался уехать. А куда? Квартира государству отошла, когда осудили. Прописки лишился. Родственникам в городе такой человек — тоже обуза лишняя. И здесь корни не пустил. Вместо жены — сожительница. Детки чужие. Работа, как на зоне... лес валить. Дома своего нет, в общаге, в леспромхозовской, поселили. Тот же барак, по сути. Шило на мыло. Так всю жизнь на чемодане Вася просидел. Он кто, человек после этого?.. Или Ожмегово взять, там таких Васей процентов девяносто населения, а может, все сто набирается. Зоны кругом. А которые местные были, они точно так же в Мордовии где-нибудь маются, или

на Дальнем Востоке, а то и вовсе в Казахстане уголёк для Назарбаева рубят. Нет, большевики знали, сволочи, как народу рога обломать, чтобы не поднялся больше. Холокост устроили, иуды позорные. Нас вон с Федькой, пацанами ещё во враги народа записали. С поражением в правах... Тебе как это?

Паша Лысков поперхнулся.

— Егорыч, ты чё? Тоже срок мотал?

Егорыч поморщился.

— Срок это уголовники мотают. Ладно, идите спать, парни. Нам с Иваном поговорить ещё надо.

Глава 5

Утром, простясь с гостеприимными хозяевами, охотники двинулись в путь. Первые километров двадцать ехали более-менее, но дальше и впрямь начались неприятности. Мелкий осиновый подрост вперемешку с березняком вдруг выбежал с обочины на дорогу, и машине приходилось буквально продираться через заросли. На мелочь Егорыч внимания не обращал, а деревца покрупнее приходилось подрубать, причём под корень, чтобы не пропороть покрышки. Километров пять Илья с Павлом так и шли впереди машины, размахивая топорами. Егорыч, правда, утешал, что скоро пойдут сосняки, и безобразия должно закончиться. Сосняков, однако, всё не было, и вперёд продвигались едва-едва, что называется в час по чайной ложке.

Удовольствие от такой дороги получал только Шарик. Он то и дело поднимал на крыло и гонял по зарослям рябчинные выводки, мышковал, зачем-то разворотил муравейник и звонко облаивал муравьиную авральную суету. Нашёл даже чью-то нору, то ли лисью, то ли барсучью, взялся её раскапывать. Но нора, похоже, была пустой, и щенок скоро бросил своё занятие.

Неожиданно заросли отступили, образуя широкую площадку. Дорогу в этом месте с востока на запад пересекала какая-то насыпь. Железнодорожная ветка, догадался Илья. Рельсы, правда, были сняты, а шпалы то ли сгнили, то ли их сняли вместе с рельсами. Егорыч велел подобрать щенка и, когда уселись, ничего не объясняя, свернул вправо, погнав машину прямо по насыпи на восток. Илья, недоумевая, развернул карту-километровку.

— Слышь, Егорыч? Ты не заблудился случаем? Или мы в объезд?

Старый что-то пробурчал в ответ, но из-за звука мотора Илья не разобрал. Через час ситуация прояснилась. Машина выскочила из леса на просторную делянку площадью, примерно, километр на километр, поросшую диким бурьяном и рябинником. Остановились под железной сварной аркой, похожей на ворота.

— Собаку не выпускай. Лапы порвёт об колючку.

Егорыч тяжело выбрался из машины и, как-то разом сгорбясь, двинулся под арку вглубь территории. Только сейчас Илья с Павлом разглядели поверх бурьяна проваленные, серые крыши баракров, обрушенные остовы с мёртвыми глазницами окон. По периметру на фоне леса — сторожевые вышки и сохранившиеся кое-где опоры с остатками ржавой колючей проволоки. Даже в солнечный августовский день под ярко-синим небом весь этот тлен наводил тоску и чувство безысходности. Лысков из машины даже не выходил. Курил, смотрел в сторону и лениво стряхивал пепел через опущенное стекло. Илья из любопытства прошёл метров с сотню по первой попавшейся «аллее», заглянул через дверной проём в полуразрушенное помещение, но войти не решился — слишком всё обветшало. Первая же доска у порога оказалась гнилушкой и глухо хряпнула, когда он наступил.

Егорыча ждали около получаса. Наконец, появился. Ткнул рукой в сторону, откуда пришёл.

— Кладбище там у нас было. Не враз отыскал в зарослях этих...

Он с трудом забрался в машину. Перевёл дух.

— Кабы не Ванька, я бы тоже там лежал. С ними.

Пояснять свои слова Егорыч не стал. Запустил движок.

Вскоре вернулись на старую дорогу. Ещё около получаса прорубались по зарослям, потом, слава богу, пошли боровые места, и дорога наладилась, хотя из-за толстых, в руку, корней деревьев ехали едва не пешком. Даже щенка высадили, чтобы не томить зря.

К полудню Егорыч выдохся. Оказалось, за разговорами да под рюмку просидели с Иваном до утра. Поэтому решено было остановиться. Заодно и перекусить.

— Гляди-ко, — не выходя из машины, Егорыч кивнул в сторону, в низинку. — След чей-то надыбал Шарик. Вишь, ягодники кругом. Не иначе глухари натоптали.

Шарик, действительно, заметался из стороны в сторону, кружил, возвращался назад и буквально рыл носом землю.

— Это он по набродам, по горячему следу распутывает, — пояснил Егорыч. — Вы бы, ребята, ружьишко наготове держали. Мало ли?

Илья по-быстрому собрал свой «бокфлинт» и закличил в оба ствола по нулёвке. Встал снаружи.

Ждать пришлось недолго.

Из можжевельных зарослей на склоне вдруг с шумом и треском тяжело поднялся глухарь и сел на сосновую ветку метрах в пятидесяти от охотников. Схлопался крыльями. Илья тотчас вскинул ружьё, но Егорыч в машине отчаянно замотал головой, запрещающая выстрел. Пришлось подчиниться, хотя мишень была как на ладони. Через пару секунд из тех же зарослей появился Шарик. По неопытности он, похоже, не сумел засечь место посадки и теперь растерянно кружил по низинке, пытаясь поймать носом воздух. Погода на собачью беду стояла безветренная, даже листочек не дрогнет, но запах присутствия, где-то близко, щенок явно ощущал, вёл себя беспокойно, от нетерпения начинал даже покусывать. Так и хотелось потыкать ему пальцем в затаившуюся на ветке добычу.

Глухарь выдал себя сам. Он грузно ворохнулся на суку и издал сердитый, коткающий звук.

Этого оказалось достаточно. Шарик тотчас определил местоположение и пулей метнулся под дерево. Тявкнул, словно пробуя голос. И залился звонким, азартным лаем.

Такое нахальное поведение глухарю явно не понравилось. Он переместился по суку вправо, обломил сухую ветку и сбросил вниз на собаку. Потом точно так же сбросил сосновую шишку. Шарик как будто понял предупреждение. Лай из сплошного, заливающего превратился в размеренное, деловитое облаивание. В этот момент Егорыч подал разрешающий знак. Сильно волнуясь, Илья взял глухаря в прицел и — нажал спусковой крючок.

Грохнул выстрел.

Глухарь качнулся на суку, но усидел. Появилось ощущение, что заряд прошёл мимо. И вдруг он тяжело рухнул вниз, прямо на собаку. Щенок шарахнулся в сторону, но возле самой земли глухарь вдруг вышел из пике и спланировал вниз, в лощину, исчез в зарослях кустарника. Шарик, сломя голову, не разбирая дороги, мчался следом, почти не отставая... Когда Илья подошёл, схватка была закончена. Повсюду на примятом черничнике валялись пух и перья. Щенок держал огромную птицу за шею, время от времени пережёвывая хватку, и смотрел на подошедшего хозяина чёрными, блестящими пуговками глаз. Илья дал ему успокоиться, ласково потрепал за холку.

— Молодец, щеня. Хороший мальчик, очень хороший. Давай сюда.

Нехотя и не сразу добычу Шарик всё же отдал. Вернулись к машине. Егорыч подержал тяжёлую птицу в руках.

— Прошлогодний. Один тут пасся, на ягодниках. Ты это хорошо сделал... промазал когда.

— Как это промазал? — Илья даже обиделся.

— Подранка кто сделал, ну? Если б не собака, он от тебя удрал, не хрен делать. А вот что потрепал, да придушить дали, это ему теперь надолго запомнится. Хороший урок. И обляял по-умному. Возьми-ко вот, отпазанкуй. Чтобы не вхолостую было.

Подав нож, Илья отмахнул глухарю по суставу лапу, бросил Шарiku. Тот обнюхал и отошёл с лапой в сторонку. Захрустел, перемалывая в зубах кости. Егорыч одобрительно кивнул.

— Путёвый псина... в мать пошёл. А ты, Илюха, эмоцию в себе дави, не то всю жизнь в мазаях проходишь.

Пока Павел с Ильёй собирали стол, чтобы перекусить, Егорыч уснул на телогрейке, сдвинув кепку на нос. Будить старого не решились, пообедали вдвоём. Потом отправились пощипать черники на отбитых у глухаря угодьях. Насобирали кружку для Егорыча.

Последним серьёзным препятствием перед Камой оказалась та самая болотина, о которой предупреждал лесник. Была она неширока, метров триста, может, четырёхста, с редким, чахлым березняком и такими же сосенками. Среди кочкарника, пока ехали вдоль, то и дело проблёскивали обширные мочажины, подёрнутые изумрудной рыской. Наконец, дорога свернула круто вправо, к болотине, и Егорыч остановил машину. Все вышли.

— Гать... та самая.

Егорыч ткнул рукой в заплывшие смолой затеси на соснах, сделанные кем-то для памяти. Место здесь было, пожалуй, самое узкое, метров с сотню. На той стороне уже просматривались бугры. Но гати Илья не увидел: среди болотной растительности тянулись две едва заметные колеи, и это было всё. Видимо, Егорыча тоже начали одолевать сомнения.

— Если не передем, машину придётся оставить здесь.

Паша Лысков уставился на него с подозрением.

— И чего тогда?

— Тогда, малай, пестерь за спину и вперёд с песнями. Пешедралом.

— Это сколько? Пешедралом если?

— Кэмэ шесть... может, семь. Кто их тут мерил, расстояния?

Егорыч натянул сапоги и двинулся по колее через болотину, прошупывая по стононам жердью. Обрато вернулся по другой колее, весёлый.

— В болото брёвна уложены. Захрясли намертво. Двести лет ещё пролежат, ничё им не делается.

Однако решил подстраховаться. Достал из багажа моток верёвки, навязал спереди на рога и сунул каждому по концу.

— В натяг держите. Мало ли, бревна колёсами сгрудит. Или разъедутся. Тогда сразу тащите, чтобы на брюхо не сесть.

С черепашьей скоростью, на пониженной передаче въехали на гать. Хотя хлюпающая, болотная жижа едва доставала до ступиц, всё равно было жутковато. Тёмные, с осокой лужи по сторонам оптимизма тоже не добавляли. Слава богу, всё обошлось благополучно. С криками «ура!» выбрались на сухое.

— Вот так. А ты ревел, малай! — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Егорыч. Похлопал машину по капоту.

Оставшийся отрезок пути ехали без приключений, но на место, на берег реки, прибыли почти в сумерках. Погода держалась сухая, тёплая, поэтому палатку решили не ставить, чтобы не терять время. Занялись костром и готовкой. Пока Егорыч ощипывал глухаря, палил над огнём, разделявал, Илья прошёл вдоль берега, чтобы окончательно определиться с местом стоянки: поближе к воде, к дровам, и чтобы съезд был достаточно отлогий.

Лодку пропавшего охотника, про которую упоминал дядя Иван, Илья обнаружил в негустом ельнике. Она была перевёрнута и лежала на жердях в подвешенном состоянии. Обычный, довольно примитивный дощаник, без затей, но остойчивый, хорошо просмолённый. На жердях под дощаником лежали весла, прикрученные к скобе алюминиевой проволокой. Всё в полной сохранности. «Наверняка дядька Иван постарался», — решил Илья.

Чтобы спустить дощаник на воду, пришлось изрядно попотеть. Пришлёпал на вёслах уже по темноте, на огонёк. Егорыч, услышав про лодку, спустился к воде и придиричиво осмотрел со всех сторон.

— Гляди-ко, не подтекает даже. Основательно Солоницын готовился.

Подтянули лодку повыше на берег и отправились к костру. Котелок с тушёной глухарятиной настаивался в сторонке. Запахи вокруг витали восхитительные. Илья приподнял крышку. Присвистнул.

— Егорыч, да ты кудесник. Ей богу!

В котелке в густом, янтарном бульоне вперемешку с кусками мяса плавала румяная картошка, помидоры, обжаренный лук, красный стручковый перец.

Паша Лысков, однако, фыркнул.

— Ещё бы не кудесник. Банку тушёнки целиком туда вальнул.

Егорыч даже руками развёл.

— Глухарь — птица постная. Как без тушёнки-то? Да ещё на костре?

— Ты чё, Егорыч? — Илья рассмеялся. — Пашку не знаешь? Он, бедолага, слаще морковки в жизни ничего не едал. Вот и завидует.

Оба, впрочем, понимали — дело не в зависти. Драгоценная Танюшка, словно инфекция, поразила Пашкину страдающую душу и делала его подчас неадекватным человеком. Егорыч, примерно, так и выразился:

— Э, чего там? Грех на дурачка обижаться.

После плотного ужина, да ещё с выпивкой, Паша Лысков пришёл, однако, в благодушное состояние. Курил, лёжа на спине под звёздным небом, мечтательно вздыхал и не обращал внимания на полчища атакующих комаров. Зато Илья готов был залезть прямо в костёр и сто раз пожалел, что забыл взять с собой старую москитную сетку. Егорыч, глядя на него, посетовал:

— Надо бы завтра в сосняки перебраться. Комар, он в сосне не держится. Аллергия у него.

Паша Лысков вдруг весело фыркнул, перевернулся на живот.

— Не, ей богу... дурак же я!

Он покрутил головой. Даже хохотнул.

— Слышь, Илюха, я такую бабу мог поймать. Моя Танька, лятва, в подмётки ей не годится. Между прочим, сама на это дело напрашивалась, никто не заставлял.

Илья хмыкнул.

— Что за баба такая?

— Не поверишь, Танькой звать, тоже. Везёт мне на этих Танек! Я тогда в охране работал, после армии. Жилкомхозовскую контору сторожил. И вдруг эта... ночью стучит в дверь. Вся мокрая насквозь. Под ливень попала. Ладно, мне чё, жалко, что ли? Пустил. Грейся, говорю, сушись. Сам на диване лежу. А она платьишко с себя дёрг... через голову, и застряла в нём. Мокрое же. Выше пупка задралось, не лезет. Она туда-сюда крутит задом, а трусишки на ней — в упор не видать. Так, верёвочки какие-то. Весь товар на витрине будто. Конфетка, не баба.

— Ну, а ты?

— Помоги снять, ревет. Задыхаюсь уже. Я чё, сдёрнул платье, помог. А у неё под платьем нет ничего, титьки голые.

— Врёшь, Пашаня! С чего бы она перед посторонним мужиком раздеваться стала? Скажи, Егорыч?

— Да ну его! Пушай врёт, — лениво отмахнулся Егорыч. Широко, с подвывом зевнул. — Сам себе верит, и ладно.

— Да вы чё, мужики?! Голову на отсечение... Мне на хрена вам врать?

У Паши Лыскова даже лицо от обиды перекосило, что ему не верит никто. Наконец, мужики смилостивились.

— Ну, разделась она. А дальше чего?

— Чего, чего? Платье сушиться повесила. У неё ещё бутылка с собой была, в авоське. Налей, говорит, Паша, я простудиться боюсь. Сама голая, не прикрывается даже.

— Ну, а ты?

— Налил, конечно. Нашёл стакан, налил ей. Сам я тогда не пил. Да... куртку ещё на неё набросил. Она этот стакан выпила разом. И всё, ушла.

— Голая?

— Да нет! Оделась, конечно.

— У-у, Егорыч! Пашке-козлу за такие дела морду бить надо, скажи? Баба сама к нему пришла, сама разделась. Даже бутылку с собой принесла. А он курточку ей на плечи набросил. Интеллигент долбаный!

Егорыч поддержал возмущение.

— Диван, говорит, там был. Нет, малай, зазря ты эту бабу обидел. Зазря.

— Телефон взял хотя бы? Или адрес?

— Да... не подумал как-то.

— Ну, правильно говоришь. Дурак и есть, кто бы сомневался. — Егорыч снова широко, с подвывом зевнул. — Всё мужики, пора спать. Завтра с ранья начинаем, а то не добудишься вас.

Он набросил на лицо какое-то ветхое полотенце и через пять минут уже храпел. Илья вскоре понял, что в таком комарятнике ему не уснуть до утра. Скатал ватное одеяло, на всякий случай прихватил ружьё с патронами. И фонарь.

— Ты куда? — Лысков приподнял голову.

— В лодке перекантуюсь. Заели сволочи.

На берегу Камы кровососов было заметно меньше. Но были. Илья вспомнил торчашую из воды коряжину метрах в двадцати от берега и столкнул дощаник на воду. Подгрёб. Коряжина, вроде, лежала крепко. На месте. Он привязался за торчащий из воды сук, потом завернулся в одеяло и лёг на дно, на стлань.

Глава 6

Под утро сквозь сон Илье почудились какие-то звуки. Лёгкий, повторяющийся стук, как будто лодка тёрлась обо что-то. Почти над ухом услышал насторожённый голос, но ни единого слова не разобрал. Затем какая-то возня... тоже совсем рядом. Он откинул с головы одеяло и провёл ладонью по лицу, сгоняя остатки сна. Сел. И тотчас отпрянул в сторону. С левого борта за ним внимательно наблюдали две пары глаз.

— Тыфу ты, чёрт! — Илья перевёл дух. — Перепугали вы меня, люди.

Люди, похоже, подчалили к дощанику на своей лодке и зацепились за борт каким-то странным веслом с поперечной рукоятью на конце. Один был совсем старик с длинными, седыми космами на непокрытой голове, с седой бородицей и морщинистым, чёрным от загара лицом. Другой — совсем мальчик, лет около тринадцати, в наброшенном на голову капюшоне. Их лица плавали, словно в тумане.

Илья оглянулся на берег и — ничего не увидел. Покрутил головой. Над рекой, действительно, стоял густой, как вата, туман. И корягу, к которой привязался с вечера, тоже не увидел. Дёрнул за верёвку — она легко вытянулась из воды... «То ли отвязалась сама, то ли отвязали?» — промелькнула невольная мысль. С некоторым уже подозрением он уставился на своих странных гостей. И вдруг в глаза бросилось то, чего не смог увидеть с первого взгляда. На старике и на мальчике были надеты куски плохо выделанной кожи с остатками шерсти. На ногах — высокие кожаные бродни, без каблуков, перехваченные под коленями кожаной бечёвкой.

Конструкция лодки тоже показалась ему весьма странной. Илья пригляделся и увидел, что она сшита из больших кусков бересты в два слоя. Всё это обильно пропитано, промазано смолой и натянуто на деревянный каркас с помощью берестяных лент. Посреди лодки стояла квадратная плетёнка, полная свежей рыбы. Некоторые из рыб-бин ещё двигали жабрами. И лежала какая-то старинная то ли фузья, то ли пищаль с тяжёлым шестигранным стволом.

Илья решительно ничего не понимал. Кажется, старый лесник говорил, что на триста вёрст жилого духу в дешних местах нет. Но на такой лодке, да ещё с одной лопастью далеко не уплывёшь. Разве что по течению...

В этот момент старик слегка обернул к мальчику большую косматую голову и сказал пару слов на непонятном языке. «Местные... из аборигенов!» — догадался Илья. Сразу вспомнил, что гать через болото Егорыч называл почему-то зырянской. Пожалуй, это многое объясняло.

Он спросил:

— Вы кто... зыряне?

Непродолжительная пауза, старик кивнул. Показал на себя.

— Еремей.

Потом на мальчика.

— Мохча он.

Илья тоже назвал себя. Хотел спросить, где они живут и как здесь оказались, но старик снова бросил пару фраз по-зырянски, и Мохча убрал весло. Слегка оттолкнулся. Илья вдруг увидел, что дощаник сносит по течению и довольно быстро. Если верёвка отвязалась хотя бы часов пять назад, то, учитывая скорость течения, его могло снести километров на двадцать пять-тридцать от места стоянки. Или того больше. Илье сделалось не по себе, хотя он знал, конечно, чтобы прибиться к своему берегу, надо всего лишь грести поперёк течения, подставив под него левый борт.

Пока он размышлял, зырянская лодка успела отдалиться и угадывалась в тумане смутной тенью. Сам не зная, зачем он это делает, Илья окликнул аборигенов:

— Эгей!

Ответа не последовало. Он хотел уже взяться за вёсла, как вдруг в разрыве между ключев тумана лодка появилась вновь, прямо перед ним. Илье сделалось даже неловко за свой взыскующий вопль. Виновато развёл руками. Старик забрал у мальчика весло и сделал приглашающий жест. А может... Илье показалось? И начал грести, правда, в противоположную сторону.

— Почему бы нет? — пробормотал Илья. — По крайней мере, узнаю, куда занесло, в какие места.

Он развернул дощаник и приналёг на вёсла, следом, стараясь не потерять рыбаков в тумане. Вскоре стало ясно, зырянская берестяная лодка по своим ходовым качествам просто образец совершенства, а его дощаник — обычное корыто с вёслами. Сколько он ни напрягался, ни хлопал по воде вёслами, разрыв тотчас увеличивался, стоило старому Еремею слегка шевельнуть своей лопастью. При этом их лодка не ныряла из стороны в сторону, а скользила, словно по ниточке, не оставляя за собой на воде даже следа.

Илья уже начал выбиваться из сил, как вдруг, словно на листе фотобумаги, проявилась высоченная стена леса, подступающего прямо к берегу. Спустя время они заплыли в узкую проточку с сильным встречным течением; оно трепало и мотало прибрежные кусты с такой силой, что они походили на живые. Вокруг дощаника тотчас вскипели пенные буруны, и продвижение вперёд сделалось невозможным. Более того, Илью начало сносить, и он едва успел ухватиться за подвернувшуюся ветку, не понимая, как старому Еремею, хотя бы и на зырянской лодке, удалось проскочить эту гидродинамическую трубу.

Он уже подумывал оставить затею и переждать туман на берегу, но в этот момент лодка с рыбаками призрачной тенью вылетела из туманной протоки мимо него, развернулась и вдоль левого её берега столь же стремительно ушла в обратную сторону. Илья едва разобрал за шумом воды надсадный голос Еремея:

— Лева держи!

С прилежанием тупого ученика, решительно ничего не понимая, Илья повторил манёвр — прижался к левому берегу, и сильное течение всосало его дощаник в протоку с той же силой, с какой выталкивало, когда он держался правого. Теперь Илья едва успевал уворачиваться от неожиданно появляющихся из тумана кустов и хлещущих по лицу веток...

Оба берега были глухи и дики; высокие кроны деревьев смыкались над протокой, образуя сплошное кружево ветвей, и терялись в сизом полумраке. Берега иной раз сходились на расстояние до десяти метров друг от друга, и вода в таких местах бурлила и кипела, будто в котле, поставленном на огонь. Был даже момент, когда он замешкался с вёслами, дощаник неожиданно вынесло из-за поворота на середину протоки и закрутило пропеллером, грозя опрокинуть лодку вверх дном. Едва-едва

он сумел вырваться из водоворота и снова прижаться к берегу, черпанув при этом изрядно воды. Правда, теперь стало непонятно: несёт его вперёд или же в обратном направлении.

Казалось, протоке не будет конца. Илья, во всяком случае, потерял счёт времени, но неожиданно берега расступились и — снова растворились в густом тумане, а дощаник, хотя и без прежней скорости, продолжало куда-то нести. Илья, покрутившись на месте, в конце концов, решил, что вынесло на Каму, и единственный для него выход — грести к своему берегу поперёк течения, подставляя левый борт.

Он так и сделал. Но едва закрипели уключины, из ключьев тумана, подобно призраку, проступила огромная, длинная тень и двинулась прямо на него. Илья подвинул к себе ружьё. Но по мере приближения тень уменьшалась в размерах, темнела и — превратилась в зырянскую берестяную лодку. Дед Еремей подтянулся крестовиной на лопасти к дощанику, заглянул и молча подал Илье берестяной черпак. Это было весьма кстати: вода в дощанике доходила до щиколоток и сильно затрудняла движение.

Дальше двигались в том же порядке, но было непонятно, как в таком тумане, когда не видно ни зги, старику удаётся выдерживать нужное направление. Впрочем, туман начал постепенно рассеиваться и вдруг разом исчез, словно с глаз сдёрнули повязку. Илья закурил головой по сторонам.

Вскоре он понял, в чём дело. Они шли вверх по какой-то реке... может, речке, которая образовывала в здешних низких местах живописную цепочку пойменных озёр, лагун, разливов, причудливо соединяющихся между собой болотами, протоками и просто камышовыми зарослями. Вероятно, по весне всю местность на многие километры заливали камские паводковые воды, и она превращалась в естественные нерестилища. Затем вода скатывалась, оставляя в озёрах, в камышах массу рыбы и прочей живности.

Глава 7

За очередным поворотом, на взгорке, глазам открылась живописная, почти сказочная деревушка, словно укрывшаяся под сенью вековых лип. Река здесь образовывала широкий плёс; её дальний берег терялся среди бесконечных камышей и осоки, и только по гривке деревьев можно было определить, где начинается суша.

Причалили...

К вящему удивлению гостя, Мохча оказался вовсе не мальчиком, а белобрысой девицей, вполне пригожей, с серыми, звероватыми глазами. Старый Еремей что-то сказал ей, и Мохча, прихватив фузею, легко побежала в гору. Илья помог старику выгрузить из лодки плетёнку с рыбой. Ведра четыре, не меньше... судя по весу. На дне лодки к тому же лежал сомёнок килограммов на шесть-семь. Неплохой улов.

Пока Илья отжимал одеяло и расправлял его на уложенные поперёк лодки вёсла, к берегу начал подтягиваться местный люд, в основном старики, женщины, дети. Они довольно бесцеремонно разглядывали гостя, ошупывали штормовку, болотники, кто-то крутил в корявых руках ружьё. Илье здешний «прикид» тоже показался любопытным. Домотканая, балахонистая одежда, похоже, льняная. Иногда с подпояской. Верхняя одежда на стариках из грубой, некрашеной холстины, довольно странного кроя. У одного из них Илья увидел даже нательный крест, правда, поверх рубахи и рядом на том же гайтане амулет из медвежьих клыков с ладанкой.

Еремей что-то объяснил, указывая на Илью и как бы испрашивая одобрение. Видимо, одобрение было получено, потому что женщины приступили к дележу рыбы. Сам Еремей, не дожидаясь конца делёжки, взял сомёнка за продетую сквозь жабры хворостину с сучком на конце, закинул за спину и, поманив гостя, тяжело двинулся в гору.

Когда поравнялись, Илья спросил:

— Здесь по-русски понимают?

Старик помрачнел. Ответил не сразу.

— Теперь мало. Ушли, которы знающи-то.

— Как ушли? Куда?

Но старик замкнулся, и до самой деревни больше не произнёс ни слова. Илье показалось, что за этим молчанием скрывается какая-то беда. Больше расспрашивать не стал. К тому же, его внимание поневоле переключилось на деревню.

Она и впрямь выглядела живописно. Рубленые из могучих сосновых кряжей избы. Крытые подворья. Крыши из колотого тёса, двускатные. На крышах резные охлупни с головами животных на навершии, кое-где украшенные рогами. Резные наличники. Всё добротное, светло и основательно. Под ногами не развороченная траками земля с глубокими колеями, а травушка-муравушка, как в сказке. Правда, сама сказочная деревушка оказалась невелика: три... может, четыре десятка изб. В липовых кронах над крышами, было слышно, как гудят пчёлы. Илья даже разглядел подвешенную высоко на стволе борть.

О том, что в деревне появился гость, знали, похоже, все. Возле Еремеевой избы, на крыльце, под окнами, собралось десятка два народу. Илье такое внимание к его персоне было непонятно, но процедура повторилась точь-в-точь, как на берегу. Какой-то карапуз лет пяти, в холщёвой рубахе и без портков, цепко ухватился смуглой ручонкой за ружейный ремень и буквально повис на нём. Илья рассмеялся и подкинул малыша над головой. Поставил на землю.

— Рано тебе ружьё. Из рогатки пуляй.

Заметил в стороне стайку девиц, среди них — Мохча; она живо рассказывала что-то, стреляя в его сторону звероватыми глазами. Девыцы прыскали от смеха и закрывали раскрасневшиеся лица руками.

«Хы! Не за жениха ли меня тут принимают?» — заподозрил Илья. На всякий случай, чтобы не показаться невежливым, он сдёрнул с головы вязаную шапочку и ответил местному люду неспешный земной поклон. Поняли жест, может быть, правильно; во всяком случае, в ответ раздался добродушный смех.

Вслед за хозяином Илья взошёл на высокое, резное крыльцо, и через тёмные сени один за другим прошли на повесть. Ей-богу, здесь было, на что посмотреть. По стенам на деревянных костылях развешены тугие мотки верёвок, бечевы, кожаных ремней, пласты сыромятины. На вешалах — десятка два сетей с глиняными кибасьями и берестяными, кручёными поплавками; бредень. Железные капканы в углу, навалом. Скрученная в трубу медвежья полсть; ещё одна, вытертая — под ногами. На дальней стене растянута на деревянных гвоздях для просушки шкура росомахи. Очень много разной утвари: плетёные короба, корзины, деревянные кадушки, потемнелые от времени бочки, бураки. На поперечных жердях, под потолком, рядами развешена вяленая рыба и тушки дичи...

На мгновение Илье показалось, что он попал в этнографический музей. Но, похоже, ошибся. Еремей стянул через голову свою шкуру, повесил на стену и, сидя на бочке, взялся снимать бродни. Илья с интересом развернул шкуру — обычный прямоугольный кусок кожи с остатками ости и с дырой посередке, проём для головы. Хозяин заметил его интерес. Коротко прокомментировал:

— Лузан.

Ткнул пальцем в голенище.

— Чорос.

На ногах у Еремея остались толстые шерстяные чулки до колен. Их он тоже стянул и сунул босые ноги в мягкие кожаные поршни. Точно такие ногой подвинул Илье...

К удивлению гостя, в горнице, куда привёл его хозяин, собралась, наверное, вся деревня. Сидели по лавкам вдоль стен, сидели на голбце, на кутнике, ребяшня позалезали на полати, толклись возле порога. Еремей, не обращая ни на кого внимания, прошёл в передний угол, к накрытому столу. Тяжело опустился на лавку. Илья сделал точно так же.

«Очень похоже на официальный приём», — подумал он и, заметив на полатях давешнего карапуза, высунул ему язык. От неожиданности малыш сморщил нос и... вдрут чихнул. Стукнул лбом о полати. Всем сделалось смешно, все завозились, заговорили, и на этом официальную часть можно было считать закрытой.

Возле печи возилась пожилая хозяйка Марфа, но на стол подавала и обслуживала деда с гостем Мохча. Теперь на ней было надето тонкое, льняное платье с тканым узором, что делало её более женственной и грациозной, но по избе она сновала босиком, забавно сверкая из-под длинного подола розовыми пятками. Илье показалось странным, что у деда и бабки русские имена, а у внучки явно зырянское. «Языческое» на слух.

Мохча сняла крышку с большой глиняной корчаги, и по дымящемуся, аппетитному запаху Илья понял, чем будут потчевать. Тушёная с картошкой рыба в сметане. Посуда оказалась сплошь деревянная, или из глины (если в печь); у Ильи вновь появилось ощущение, будто он попал в этнографический музей: резные ложки, солонка в виде утки, ковш в кадучке со шучьей головой, сама кадучка на деревянных копыльцах, берестяной узорчатый бурак под молоко с резной крышкой, туесок с брусничкой, черпак. Он заметил, что Мохча ни разу не взглянула в его сторону, но обслуживала гостя куда как прилежнее, нежели деда. И куски подкладывала потолще, послаще, вовремя подливала какое-то питьё с запахом мёда и хмеля, убирала из-под руки ненужную посуду, тут же споласкивала её.

Подобная успешь, на взгляд деда Еремея, случалась не слишком часто, поэтому он простодушно пояснил гостю:

— В охоту вошла девка. Рожать приспело.

Мохча через всю горницу полыхнула по деду, словно лезвием, своим звероватым взглядом. Но промолчала. Илья понял, однако, что русский язык девушка понимает, и окончательно утвердился в своей давешней игривой догадке: хочешь не хочешь, а жениться ему всё равно придётся, если он прогостюет здесь хотя бы дня три.

После трапезы, сославшись на усталость, Еремей куда-то убрёл. Правда, в дверях оглянулся.

— У Марфы баня протоплена. Ступай покуда...

Бросил пару фраз Мохче. По-зырянски. Та вспыхнула и, чтобы скрыть смущение, отвернула лицо в сторону. Когда дед ушёл, она сделала гостю знак следовать за ней.

Усадьба изнутри показала более просторнее, чем выглядела снаружи. К основной избе углом была прирублена вторая, тоже пятистенок, с отдельным входом, с подклетью, но без сеней. Часть двора имела настил из колотых осиновых плах, была огорожена, а дальше шли какие-то хозяйственные постройки: амбар, сеновал с въездом, хлевы нараспашку, что-то вроде кошары для овец. Правда, самой живности Ильи не увидел и не услышал.

Баня стояла отдельно, под развесистыми липами. Неподальёку колодезный сруб. Когда шли мимо, Илья увидел, что вместо ведра с цепью под ёмкость приспособлена деревянная кадучка на лыковой верёвке, намотанная на ворот. Он даже остановился, настолько всё выглядело необычно и просто. Даже односкатная крыша, укреплённая на двух столбах с развилками, показалась ему оригинальной. Мохча его интереса, кажется, не понимала. Она вернулась, взяла гостя за руку и молча потянула за собой.

Илья рассмеялся.

— Почему ты молчишь? Не хочешь разговаривать?

Мохча покачала головой.

И вдруг прижалась к нему, сильно обхватив за талию. Уткнула пылающее лицо в грудь. Подобное простодушие ошеломило Илью, он не знал, что сказать и что ему делать с девушкой. Осторожно провёл ладонью по белокурой головке.

Мохча открыла дверь в предбанник.

— Ступай.

Что-то добавила по-зырянски и исчезла. Илья вошёл в предбанник, прикрыл за собой дверь. Не спеша, разделся. Судя по размерам, по количеству лавок, баня была рассчитана на большую семью. В углу, на деревянном обрубе, стояла глинобитная печь с вделанной в неё большой глинобитной колодой для горячей воды. Холодную воду наливали в кадушки. Это было так называемое помывочное отделение, а в задней части, за перегородкой, вероятно, находилась парильня. Так и оказалось. Илья взял из бадьи запаренный берёзовый веник и отправился за перегородку.

Сквозь блаженную дремоту он услышал стук входной двери. И разом напрягся. Это, конечно, был не дед Еремей. Судя по тому, как живо двигали в бане кадушки, чем-то стучали, лили воду, это была Мохча. На всякий случай Илья прикрыл срам веником. И не ошибся.

— Брр! — Она уже стояла на пороге. С бадейкой в руках. И, конечно, голая. — Тут совсем сильно холодно!

И звонко рассмеялась собственной шутке. От одного её смеха Илья почувствовал сильное возбуждение и крепче ухватился за веник. Слава богу, в парилке стоял спасительный полумрак, и кой-какие приличия ему удалось соблюсти. Правда, с тоской подумал, что жениться, хочешь не хочешь, ему всё-таки придётся. Он, в конце концов, не Паша Лысков, и такого напора ему нипочём не выдержать. Но сама Мохча никаких правил приличия придерживаться, похоже, не собиралась. Она грохнула бадейку на приступок и забралась к Илье на полок. Горячая, просто обжигающая ладошка без всяких церемоний скользнула под веник...

Стон, нежный, щемящий, древний, как мир, пробил огромную дыру в слабой обороне противника. И всё полетело в тартарары! Её неистовая, просто звериная жажда любви и девичьи страхи одновременно образовывали такую гремучую смесь, что Илья поневоле ощутил себя всего лишь жалким придатком к собственному окаменевшему члену. Впрочем, так и было, скорее всего.

После любовных усад Мохча затеяла париться. В принесённой ею бадейке был налит взвар из многих трав тёмно-коричневого цвета. Этим взваром она поливала раскалённые камни, и в небольшой парильне от обилия ароматов начинало кружить голову. Илья явственно ощущал терпкий запах вереска, мяты, зверобоя, горький запах одуванчика, цветов липы. Мохча ловко орудовала над его простёртым телом двумя вениками сразу и при этом шептала нараспев по-зырянски что-то похожее на куплеты. Илья, конечно, поинтересовался, что эти её причитания означают. Мохча сердито тряхнула белокурой головкой.

— Наговоры! Болезни пусть отступят. Лихо не пристанет. Враги тебя не поймали. Чтобы рыба сети шла. Куница, заяц капкан тебе ловился. Зон прошу. — Она выставила перед собой узкую, крепкую ладошку и начала отгибать пальцы. — Раз хочу... два хочу, три... пять зон хочу.

— Зон это кто?

Мохча рассмеялась. Огладила свой милый животик.

— Сын... охотник будет.

Илья покивал: мол, да, если пять «зон», то надо, чтобы рыба в сети шла. Много рыбы. И заяц тоже не помешает. Потом спросил:

— Мои враги, они кто? Почему они меня ловят?

Мохча ответила вопросом на вопрос:

— Ты хочешь быть убитый?

— Не-ет.

— Ерёма сказал, ты не злой. Тебе надо помощь делать.

Из сказанного Илья понял только то, что Ерёма — это дед Еремей. Но расспросить не успел. Мохча за ногу стащила его с полка и забралась сама.

— Хлопай буди!

Илья отхлопал красавицу до морковного цвета, и оба, распаренные, вывалились в предбанник. Здесь, к удивлению гостя, был накрыт стол. Не стол, конечно... широкая лавка. Мёд в туюске. Брусничная вода. С десятков варёных рябчиков в берестяной посудине. Черемша. Бурак со сметаной. Какие-то яйца в крапинку. Илья понял так, что «зон» с Мохчей они будут делать до самого вечера, а чтобы гость не истощил силы раньше времени, он должен есть много мяса. И запивать мёдом со сметаной. Всё прямо и простодушно, без лишних церемоний. Но вновь Илье почудилась за происходящим какая-то беда. Поэтому он спросил:

— Еремей — твой дед. А где отец? Где взрослые мужчины?

После долгих расспросов и путаных ответов Илья уяснил, что два года назад мужчины из этой деревни и из соседней организовали три промысловые артели. Две ушли на Урал, одна подалась на Печору. С Печоры вернулись всего пять человек, с Урала не вернулся никто. Когда охотники уходили, дед Еремей сильно ругался, не хотел отпускать. Зверь в здешних местах есть, рыбы тоже много, но охотники стали жадные, им нужен был соболь, а не белка и куница, не судак, не щука, а пелядь и сёмга. Они хотели торговать и хотели много денег, поэтому не послушались Еремея. Отец Мохчи был «юра», старший в артели, которая ушла на Урал, и с ним ещё два брата. Они поступили глупо, сказал дед. В лихое время, когда люди стреляют друг в друга и перестают добывать зверя, птицу, лучше сидеть дома.

Илья спросил, куда делись те, кто вернулся? Мохча поняла вопрос по-своему. Мы все здесь родственники, сказала она, нам нельзя рожать друг от друга детей. Ближняя деревня тоже родственники, дети будут совсем плохие. «Больные, хочешь сказать?» — уточнил Илья. «Да, совсем больные».

Но, кажется, Мохче надоели расспросы. Она игриво потёрлась носом о его щёку и, ухватив за руку, потянула в баню.

— Пора делать зон, мало-мало.

Но внутренне он согласился: демографическая ситуация в деревне ни к чёрту. Необходимо исправлять.

Его удивило отсутствие в бане мыла. Мохча, похоже, понятия не имела, что это такое, во всяком случае, объяснить он не смог. Мылись разведённым в воде щёлоком, зато после бани гостя обрядили в чистую полотняную рубаху без ворота, почти до колен, и в такие же штаны.

Глава 8

На следующий день, ближе к вечеру, Илья с Мохчей отправились на рыбалку. В той самой берестяной лодке, чисто вымытой и просушенной, и с той самой лопастью. Еремей показал Илье приёмы гребли, чтобы лодку не уводило в сторону, и не было необходимости перебрасывать лопасть с борта на борт. Потом постучал по лопасти корявым пальцем.

— Нелыс.

Оттолкнул лодку от берега. Нелыс Илья освоил довольно скоро, но не настолько, чтобы не дать Мохче повода посмеяться над его неуклюжими движениями. Зато потом гребля начала доставлять ему истинное наслаждение: на такой лодке, практически не имеющей осадки, можно было грести сутками, не утомляясь, и сохранять при этом приличную скорость. Особенно Илье нравилось плыть по проточкам среди камышей, здесь скорость и управляемость лодки ощущалась совсем по-иному, нежели посреди плёса.

Мохча сидела впереди, спиной к Илье, и указывала направление. Вскоре он понял суть происходящего. Они попросту объезжали заблаговременно расставленные по протокам, по старицам «езы», «заколы», самоловы, ставные сети и собирали попавшую в них рыбу. Приёмы лова были ему вполне известны, но снасти и способы сооружения заколов были просты, почти примитивны и одновременно оригинальны. Вместо проволоки обручи на морды, или «гымги», как называла их Мохча, гнули из прутьев черёмухи и можжевельника. «Езы» сооружали из заранее изготовленных рогожных пластов (по-современному, модулей), что позволяло быстро собирать, разбирать и перемещать «ез» в более добычливое место. В качестве перевязочного материала при плетении «гымги» шли сосновые корни, разодранные надвое, а сами «гымги», особенно крупные, плели не из лозы, а из сосновой дранки. Для прочности.

Пару таких «гымг» Илья увидел на берегу. Похоже, они были вытащены для просушки и поставлены на попа. Размеры впечатляли, около пяти метров в длину. Человек внутри «гымги» мог ходить в полный рост.

Мохча пояснила, что такие «гымги» ставят весной по большой воде, когда рыба идёт на нерест. А поднимают из воды с нескольких лодок с помощью ворота. Это артельная снасть, с ней могут справиться только мужчины, добавила она.

«Похоже, эти гымги сушатся здесь года три, минимум», — подумал Илья.

По узкой, заиленной проточке они протиснулись в устье какой-то заболоченной старицы, и Мохча одним ловким движением выдернула из воды в лодку установленный там «ветель». Развязала глухой конец и прямо в плетёнку высыпала около ведра золотых, словно откалиброванных по размеру, карасей.

Установив «ветель» на место, двинулись дальше. На выходе из старицы сняли с самоловов пару щук, килограмма по три-четыре каждая. Правда, с одной Мохче пришлось изрядно повозиться: она забилась под корягу и намотала конопляную, кручёную бечёвку на сучья. С помощью «нелыс» корягу удалось зацепить и оторвать ото дна. Илье показалось, что Мохча возилась столько времени вовсе не из-за щуки, а из-за железного, самокованного крючка, который тут же и перевязала заново. Потом надела на крючок живца и бросила снова в воду.

Даже в небольшие по размеру ловушки рыба, по крайней мере, по понятиям Ильи, попадалась отменная. Кроме леща, густеры, щуки, ловился язь, жерех, жирный линь, несколько судаков, серебряный карась. В широкой протоке, когда перебирались по крупнокачистой, с кошелями сети, достали пару приличных сазанов. Всякий раз Мохча вытаскивала с пояса нож и привычным жестом прикалывала крупную рыбу где-то в основании головы, чтобы не билась и не мешала работать.

На обратном пути, уже двигаясь против течения в сторону деревни, проверили несколько перетягов, поставленных на стерлядь. Сняли около десятка. Но самый большой сюрприз ожидал Илью на «сомовой яме».

Едва Мохча ухватила за толстую мочальную верёвку, как лодку сильно потянуло в сторону, зарывая носом в воду. Мохча быстро стравила конец, но теперь держалась за неё двумя руками. На дне к концу перетяга был, похоже, привязан большой груз,

потому как направление движения резко изменилось, и их начало возить по большому кругу, зигзагами. Илья едва успевал орудовать веслом, чтобы лодка не опрокинулась, и чтобы Мохчу не выдернуло из лодки вместе с верёвкой, которую (он уже знал характер девушки) она ни за что из рук не выпустит. Так продолжалось около часа. Рыбина заметно ослабела и на дно уже не тянула, не хватало сил. Её широкая, тёмная спина всё чаще стала показываться на поверхности. Ногой Мохча подвинула к Илье какую-то тяжёлую метровую палку с шипами на конце.

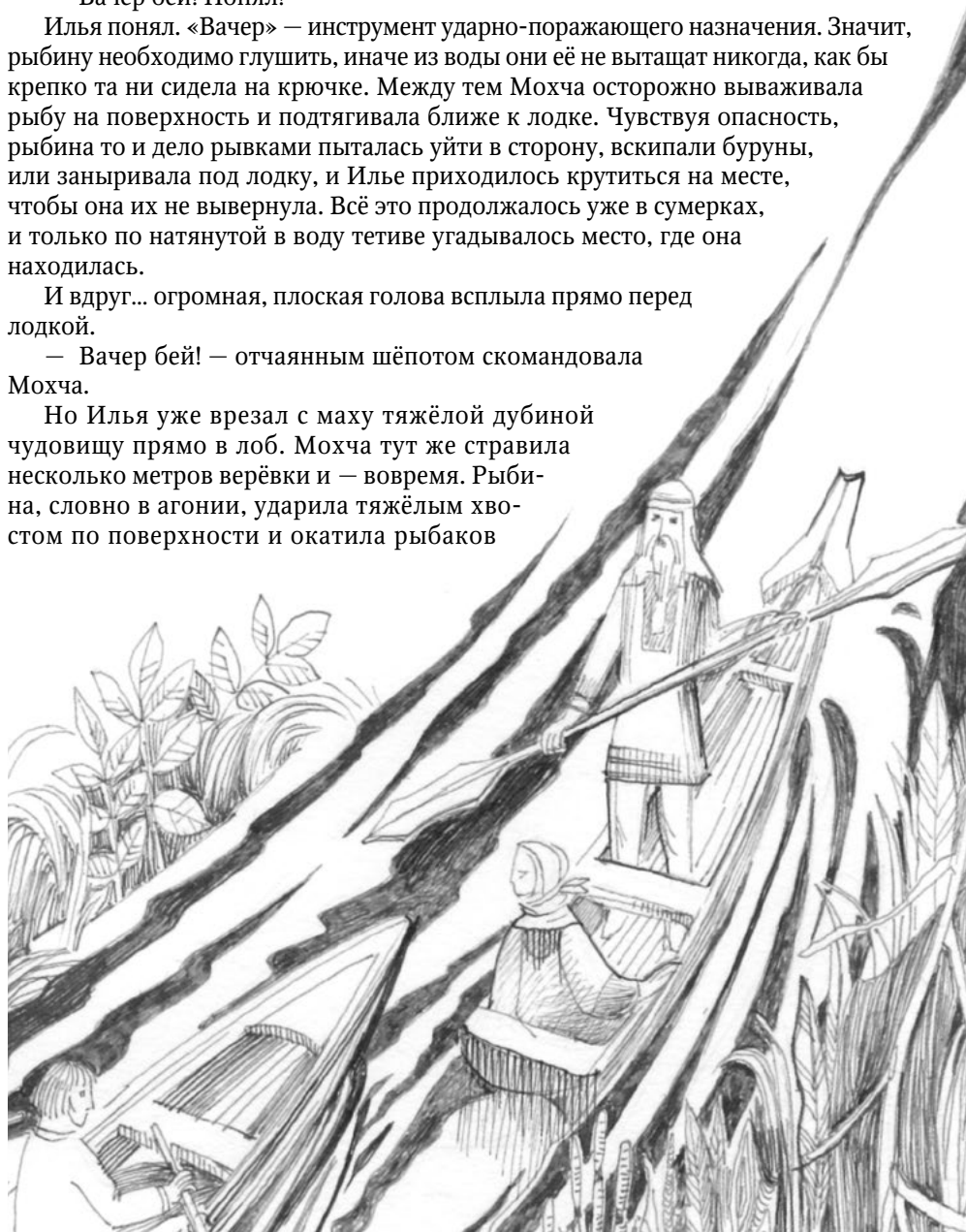
— Вачер бей! Понял?

Илья понял. «Вачер» — инструмент ударно-поражающего назначения. Значит, рыбину необходимо глушить, иначе из воды они её не вытащат никогда, как бы крепко та ни сидела на крючке. Между тем Мохча осторожно вываживала рыбу на поверхность и подтягивала ближе к лодке. Чувствуя опасность, рыбина то и дело рывками пыталась уйти в сторону, вскипали буруны, или занывривала под лодку, и Илье приходилось крутиться на месте, чтобы она их не вывернула. Всё это продолжалось уже в сумерках, и только по натянутой в воду тетиве угадывалось место, где она находилась.

И вдруг... огромная, плоская голова всплыла прямо перед лодкой.

— Вачер бей! — отчаянным шёпотом скомандовала Мохча.

Но Илья уже врзал с маху тяжёлой дубиной чудовищу прямо в лоб. Мохча тут же стравила несколько метров верёвки и — вовремя. Рыбина, словно в агонии, ударила тяжёлым хвостом по поверхности и окатила рыбаков

целым фонтаном воды, ушла в глубину. Это был ещё не конец, она была жива и продолжала сопротивляться из остатков сил. Только после второго удара всё было кончено.

Для верности Мохча проколола ножом чудовищу основание черепа и загнала в голову и в тело рыбины несколько здоровенных крючков. Взяла на буксир.

К деревне они подъезжали уже в полной темноте. К удивлению Ильи, на берегу их ждали. Более того, народ знал каким-то образом, что именно они буксируют за собой на верёвке. Сразу вспыхнули несколько факелов, и Илья на пару с дедом Еремеем втянули на берег огромного сомину. Илья таких не видел никогда и даже примерно не пытался прикинуть его на вес. Но длина впечатляла: около четырёх с половиной метров.

Он только сейчас заметил, что улов даже без сома у них хороший. В давешнюю плетёнку вся рыба не поместилась, много лежало на дне лодки.

Оживлённо переговариваясь, женщины переместили сомовью тушу на вымостки и тут же принялись её разделявать. Дед Еремей занимался делёжкой и в каждую долю — в бурак, в корзину, в плетушку — кроме мелочи, добавлял рубяж сомятины. Илья вдруг понял, лично для себя никто здесь не ловит, всё идёт в общий котёл, и даже малые дети имеют с каждого улова свою долю. За пару дней он успел пронаблюдать, что женщины выходят встречать каждую вернувшуюся с реки лодку и с берега возвращаются гружёные.

Подошла Мохча. Прижалась.

— Они сказали, твоя рука лёгкий. Много рыбы привёз. Ты сильный рыбак.

— Это ты, Мохча, сильный рыбак. Ты ловила.

— Я тоже сильный, — серьёзно согласилась Мохча. Потянула Илью за руку. —

Пора зон делать, мало-мало. Иди, давай.

Почему бы нет, подумал сильный рыбак. В такой деревне его будущие «зон» годными и бездомными не останутся. Даже если он уедет отсюда.

Глава 9

Чем дольше Илья наблюдал здешний быт, тем больше удивлялся его оторванности от внешнего мира. Например, хлеб в деревне употребляли только по праздникам, но не в привычном виде, а в виде рыбного пирога «черимнянь». Муку мололи сами в жерновцах; вероятно, зерно было покупное. В будние дни вместо хлеба к первому и второму блюдам подавали вяленых или сушёных рябчиков и клестов. Этих клестов сотнями ловили дети в изготовленные из конского волоса силянки, и сами же их приготавливали.

Меню по большей части было рыбным, но Илью это устраивало: с рыбой здесь обращаться умели. Правда, некоторые экзотические блюда, считающиеся у зырян лакомством, вызывали у него аллергию вплоть до рвотных позывов. Например, слабосолёную рыбу выставляли на солнце на несколько дней и давали ей скваситься до состояния, когда мясо само отставало от костей. Затем мясо растирали ложками в мисках с холодной водой или с квасом и ели первым блюдом. Вонь при этом стояла такая, что впору было надевать противогаз.

В тёмное время суток освещались либо лучиной, зажатой в светец, либо с помощью жирника — небольшой посудинки, наполненной рыбьим жиром, с опущенным в неё фитилём. Об электричестве, как и о мыле, здесь, похоже, понятия не имели. Когда Илья однажды включил свой фонарик, чтобы осмотреться, Мохча испытала настоящий шок. Объяснить Илью, конечно, ничего не смог. Тогда он достал из фонаря две батарейки и сказал: это жирник и это жирник. А это фитиль. И потыкал

пальцем в светодиоды. Разумеется, фонарик пришлось подарить Мохче. В деревне новый «жирник» вызвал великий переполох...

После трёх-четырёх рыбалок Илья запомнил все протоки и старичные озерца, где были расставлены многочисленные ловушки. Некоторые для надёжности пометил вешками, и теперь ездил проверять один, без Мохчи. Дед с бабкой были сильно в годах и управляться с большим хозяйством им было уже не по силам.

Однажды, заметив, что на здешних пойменных озёрах развелось большое количество местной утки, Илья прихватил с собой ружьё. Непуганая птица подпускала довольно близко и предпочитала отплывать, а не подниматься на крыло. Но Илья звучно хлопал в ладоши, и как только табунок начинал отрываться от воды, стрелял в угон из получока, дающего необходимую осыпь. Таким способом с одного выстрела удавалось сбивать по три, иногда четыре утки.

Завалив нос лодки битой птицей, он собрал попутно рыбу и, довольный, двинулся в деревню. Но дед Еремей осмотрел добычу и неодобрительно покачал головой.

— Худо сделал.

У Ильи даже глаза на лоб полезли. Дед Еремей, однако, показал ему рукой через плёс: над камышами по всему пространству всё ещё металась перепуганная утиные табунки. А до этого паника, будто цунами, прошла по камышовым зарослям из конца в конец и подняла весь птичий базар на крыло. Дед пояснил: при такой охоте перепуганная утка перестанет здесь гнездиться, уйдёт в другие места. Потом ткнул пальцем в его добычу и выразился в том роде, что за такую малость это слишком дорогая цена.

Позднее дед Еремей рассказал, как охотятся местные. На выходе из заиленных, старичных озёр (излюбленные места кормёжки) охотники устанавливают торчком два пятиметровых шеста с навязанной на них от вершины до самой воды сетью. И садятся в засаду до утра. Ждут подлёта птицы. В самый разгар кормёжки в озеро с противоположной стороны заплывают две-три лодки и потихоньку, без суеты начинают теснить всю птицу в сторону сети. Постепенно она там и собирается, на выходе. Тогда, по знаку старшего, те, кто в засаде, за привязанные к вершинкам верёвки валят шесты в воду, и сеть, словно колпаком, накрывает собой всю стаю. А чтобы птица не подныривала под края сети, по всему её периметру навязаны грузила, которые и кладут края сети на дно. Иногда таким способом добывают дичи по две, даже три лодки. А теперь, после стрельбы, заключил дед Еремей, при одном виде лодки пуганая птица сразу поднимется на крыло и разлетится куда подальше. Память у них долгая.

Пристыженный Илья понял, что натворил: «Только и ума, зон делать, городской дурулом. Это всё равно как у себя в курятнике пальбу затеять». Он попросил старого Еремея повиниться от его имени перед деревней...

В один из банных дней Мохча, таинственно улыбаясь, мягко, но настойчиво вскользнула из его объятий и скрылась в предбаннике. Настаивать Илья не стал. От души ободрал о бока берёзовый веник с пихтой, опрокинул на голову, плечи пару ковшей холодной воды и тоже направился в предбанник. В этот момент дверь открылась, и Мохча с сердитыми возгласами, почти насильно втащила за собой упирающуюся девчонку. Разумеется, голую. Вытолкнула на середину. Снова что-то сердито и назидательно выговорила ей на своём наречии.

Илья, ошарашенный, плюхнулся на лавку. Вылил на голову ещё ковш холодной воды.

— Мохча, ты с ума не сошла?

Но Мохча то ли не услышала, то ли не захотела услышать. Она обняла девчонку за плечи и властным движением поставила перед Ильёй.

— Весляна звать. Мой отец и её отец, они оба брат.

«Двоюродная сестричка, выходит, — с тоской подумал Илья, бегая глазами по сто-
ронам. — И имя знакомое? Весляна?.. Кажется, приток Камы. Или... Веселяна приток?»

Вздыхнул.

— Ну, Весляна. И что дальше?

Мохча тотчас уловила его настроение, насупила брови.

— Весляна тоже хочет зон. Очень. Но ей сильно страшно.

— Кто хочет? Она? Она же несовершеннолетняя.

Мохча не поняла и некоторое время, наморщив лоб, пыталась осмыслить его слова.

Наконец, не выдержала.

— Она кто?

— Она совсем маленькая девочка. Ребёнок!

— Ты совсем-совсем глупый дурак! — вспыхнула Мохча. — В деревне все так ро-
жают. Даже раньше!

Глупый дурак подумал и кивнул.

— Она понимает по-русски?

— Одно слово.

— Какое, будто бы?

— Илия.

Илья расхохотался. Потом с осторожностью усадил девочку на колено. Огладил
волосы, повернул к себе лицо. Всё в её теле, каждая косточка, было податливо, как
разогретый воск, и полуобморочно. Полуприкрытые веки, полураскрытый, по-детски
припухлый ротик. При этом она дрожала. Илья понял, что спешить никак нельзя. Он
поднял глаза на Мохчу, которая озабоченно наблюдала за процессом.

— Она замёрзла. Дрожит.

Мохча поняла как надо. Отправилась греть парилку. Илья помедлил и с осторож-
ностью коснулся губами полураскрытого рта оцепеневшей от страха девчужки. Мыс-
ленно обозвал себя педофилом. Её нежная кожа мгновенно покрылась пупырышками.
«Ну, и ладно. По крайней мере, из рук не выскользнет». Он поднял девицу на руки
и понёс в парилку. Водрузил на полочку. Пока в два венника парили рассолодевшую
девчонку, поинтересовался:

— Где твоя мать, Мохча? Она живая?

— Да. У Мохча и Весляна мать один. Но Мохча живёт с Ерёмой. Он старый, и Мар-
фа старый. Помогать надо.

— Понятно. Выходит, отец бросил твою мать?

Мохча рассмеялась.

— Отец тоже хотел зон. Когда родился Мохча, отец отдал мать брату. У брата
родился Весляна, и брат отдал мать Егору. У Егора родился два зон. Все были очень
сильно рады, вся деревня был праздник.

Илья даже поперхнулся, не зная: надо ли понимать сказанное буквально или дей-
ствительный смысл искажён косноязычием подружки. Мохча тем временем отло-
жила венник в сторону и сделала знак, что пора заняться делом. Но едва Илья провёл
ладонью по телу, девчонка враз окоченела, словно покойник не первой свежести. Он
пожал плечами.

— У неё мышечный спазм. Вот... в этом месте.

Несмотря на попытки Мохчи остановить его, Илья махнул рукой и вышел в пред-
банник. С наслаждением припал к корчажке с брусничной водой. Он не знал, что там
творилось, в бане, но дверь неожиданно распахнулась, и девчонка с плачем бросилась

ему на шею. «Илья! Илья! Илья!» И что-то умоляюще, страстно, порывисто лепетала на ухо на своём прелестном зырянском наречии.

Вышла Мохча. Илья сказал ей, что ему жаль девочку, и что надо дать ей успокоиться. Сегодняшних переживаний Веслянке хватит надолго. А там время покажет.

Когда остались одни, он спросил у Мохчи, много ли у неё ещё подружек, которые хотят делать с ним «зон»? Мохча, нахмутив лоб, начала отгибать палец за пальцем, вспоминая подруг по именам. Потом развернула растопыренные, розовые ладошки к Илье.

— Десять. И... ещё четыре

Илья аж присвистнул. Взъерошил волосы от большой и светлой перспективы. Но это оказалось не всё. Мохча огладила животик и очень серьёзным тоном сообщила ещё более светлую перспективу: если у неё будет «зон», то к Илье придут все женщины, у которых родились одни девочки. Она взяла Илью за голову и прижала ухом к животу.

— Слышишь? Это зон. Мужчина пришёл. Сильный охотник. Хозяин. Еды много. Деревня сытый будет, довольный. Дом красивый построит. Торговать будет.

— Ты беременна?!

Он изумлённо уставился на Мохчу. Её глаза счастливо мерцали из-под приспущенных век таинственными всполохами зарождающейся, новой жизни.

Глава 10

Старая жизнь тем временем катилась незаметно. Через день-два Илья ездил снимать рыбу, чинил рыболовушки, ставил новые. Собирали с Мохчей живицу. Работал с Еремеем в старой кузнице на отшибе. Из разного железного хлама, бог знает, откуда натащенного, ковали гвозди, шпигри, рыболовные крючки, крючья, гнули подковы, катили дробь, делали даже наконечники для стрел. Илья уже знал: луками здесь продолжают пользоваться, особенно при добывании раненого зверя. Ружейный припас всегда был дорог, да и заложить стрелу времени много не требуется.

В конце октября, когда траву уже начало прихватывать инеем, в деревне вдруг поднялся большой переполох. Илья с Еремеем были в это время в кузне, чинили изношенный, ружейный замок. Дед Еремей, кряхтя, выбрался наружу.

— Кажись, плоты гонят. Айда, поМочь делать надо.

В голосе старика звучала плохо скрытая радость. Когда они спустились к реке, весь деревенский люд уже толпился на берегу. Ждали. Наконец, из-за вытяги в серой, туманной пелене появилась связка из трёх плотов в сопровождении лодки и медленно начала подворачивать к берегу. Плоты были нагружены, и людям на них приходилось сильно нагребать вправо. Вскоре лодка, тоже гружёная, вышла вперёд; с переднего плота в неё что-то бросили, и она быстро двинулась к пристани. Возле берега десятки рук подхватили её и затянули носом на сушу. Другие взяли за бечеву, которую разматывали с лодки, и под команды старого Еремея слаженно потащили тяжёлые плоты к берегу. Наконец, вся связка была прижата к береговой кромке и зачалена.

Со слов Еремея Илья знал, что в тайге наступило глухое межсезонье, и охотники со дня на день должны вернуться домой. Длинный переход, похоже, вымотал мужиков до беспамятства, потому что все пятеро, едва сошли на берег, тут же повалились в траву, не обращая внимания на царившее вокруг радостное оживление.

Илья спросил Мохчу, как люди смогли узнать заранее, что охотники гонят плоты. Оказалось, просто: первыми в деревню прибежали собаки, которых охотники всегда пускают по берегу.

Уставших охотников вместе с немудрящим скарбом, с детишками увезли на подводе в деревню. Жёны шли следом. Во вторую подводу начали перегружать с плотов. В основном это были объёмистые берестяные короба, сшитые, похоже, прямо в угodyах, под солонину. Тяжесть была невероятная, под сотню килограммов каждый, поэтому пользоваться приходилось носилками. Под коробами, прижатые мездра к мездре, лежали пять шкур лося и две медвежьих. Рядом десятка два бобров. На другом плоту — освежёванная туша лося.

«Пожалуй, целиком тушу из леса не вытащить, если без лошади. Значит, где-то у воды завалили, перед самым отъездом», — предположил Илья.

Перегружали и перевозили добытое охотниками часа три, и Илье вдруг стало понятно страстное желание Мохчи иметь «зон». Только тогда её жизнь на здешней земле получала оправдание...

По первому снегу, перед ледоставом, Илья ушёл с охотниками на промысел. Экипировку обеспечил дед Еремей: ружейный припас, продовольственный, промысловая одежда, обувь, бельё от Мохчи. Вручил собственное кремнёвое ружьё. Сказал, оно надёжнее, и бой лучше. Насчёт боя и надёжности Илья сильно сомневался, но у него в патронташе оставалось полтора десятка патронов, охотиться было не с чем.

Когда грузились в лодку, ту самую, которая пришла с плотами, старый Еремей предупредил его: первый сезон будешь «парить» и ума набираться. Прокоп Як — старший в артели, «юра», его сильно слушай. Илья, конечно, поинтересовался, что значит слово «парить»? Но Еремей отмахнулся: дескать, «юра» объяснит всё на месте.

Двенадцатиметровая деревянная лодка с грузом и шестью охотниками на борту выглядела тяжёлой. Но при своей длине она была довольно узкая: рядом могли поместиться два человека. Зато гребли в четыре весла, при этом, что удивило Илью, на лодке имелись выносные консоли, как на байдаре. В путь тронулись ночью. Чтобы легче плыть против течения, держались под берегом, почти вплотную. Илья даже различал сквозь плеск воды собачью побегку и мышкование по прибрежным кустам некормленных псов.

Расстояния в здешних местах километрами никто никогда не мерил, в ходу было другое понятие: «чомкост». Что это такое, Илья не сразу уразумел, потому как один и тот же человек, из местных, мог растягивать или ужимать эту меру раза в три-четыре по три-четыре раза на день. В буквальном переводе «чомкост» означал расстояние одного перехода между двумя шалашами. Чьи это были шалаша и где стояли, никто давно не помнил. Стало быть, единого эталона не существовало. Но однажды до Ильи дошёл простой и очевидный для местных охотников смысл понятия: «чомкост» являлся не мерой длины, а мерой потраченного времени и усилий. Скажем, один охотник, шагая по сухой тропе, одолел восемь километров, а другой за это же время, но по болотине, по чапыжнику — всего полтора. Однако, мера потраченных усилий и времени для зырянина одна и та же — «чомкост». В этом определённо была своя сермяга.

Когда три, может, четыре «чомкост» остались за кормой, и слегка развиднелось, в стороне вдруг яростно взлаяла собака. Замолчала... и снова взahlёб, с хрипом, будто готовая вот-вот сорваться с цепи. Через некоторое время к ней присоединились остальные. Затем многоголосый, яростный лай клубком начал смещаться в сторону от реки, вверх, с остановками и, наконец, замер окончательно метрах, может, в пятистах от берега. Прокоп Як бросил пару фраз по-зырянски, и двое охотников Вашка и Урсим, подхватив ружья, метнулись на берег. Спустя полчаса почти одновременно

грохнули два выстрела. Прокоп Як прислушался и тронул за рукав Иркапа, самого молодого из всех. Тот кивнул и мгновенно куда-то исчез. Налегке.

Картина, в целом, была понятна. Собаки остановили какого-то крупного зверя, скорее всего, лося. Вашка и Урсим лося завалили, а Иркап убежал в деревню за подвдой. Четыре «чомкост» туда, четыре обратно... короче, решил Илья, ночевать сегодня придётся возле туши. На снегу.

Насчёт лося он не ошибся. Трёхлеток, не слишком большой. Но оставаться охотники не собирались. Ловко орудуя ножами, они ободрали шкуру в пять минут, как будто шубу сняли с пьяного мужика. Затем так же споро, работая одними ножами, выпустили потроха и разделали тушу на куски. Накормили собак. При этом шутили:

- Если печень взять, Еремей скажет: лось без печени не бывает. Это не лось. Оставит мясо. Если язык взять, как Еремей столько женщин уболтать сможет, один? Никак!
- Э-э! Столько женщин уболтать у нас Илья может. А он сбежал почему-то.
- Язык отсох, — отшутился Илья.

Охотники сложили мясо на шкуру, закидали еловой мелочью от воронья, снаружи оставили одни рога. Довольные, погрузились в лодку. Хорошая примета! На всё про всё ушло около часа.

- А Иркап? — спохватился Илья.

Прокоп Як успокоил:

- Иркап давно впереди. Нас ждёт.

Так и оказалось. Сделали один «переход между шалашами», и впереди, за очередным поворотом увидели Иркапа. Молодой охотник легко поднялся с валёжины, помахал артельщикам рукой. Всё ясно, подумал Илья: если по воде десять «чомкост», то по суше, напрямую, да ещё налегке всего три, не больше.

Задержка, однако, сказалась. К берегу причалили в полной темноте. Отсюда до базового лагеря предстояло топать ещё два «чомкост». Большую часть багажа из лодки переложили на двое ручных нарт, остальное распределили по крошням. Илье достались крошни и сорок пять — пятьдесят килограммов груза. Вначале было терпимо, но скоро он узнал, каким может быть ад. С каждой сотней шагов груз за спиной словно набирал в весе. Остановиться было невозможно: огромная масса сразу начала давить на определённую группу мышц и вызывала локальную перегрузку. Он чувствовал на лбу, на шее вздувшиеся верёвками вены, сердце билось прямо в глотке, готовое вот-вот лопнуть от перенапряжения, и он жадно хватал ртом воздух, чтобы хоть как-то насытить кровь кислородом. При этом Илья всё время отставал и не мог понять, как зыряне, самый высокий из которых вместе с шапкой едва доставал ему до носа, выдерживали этот ад? Но впереди он слышал их голоса, в них не было ни задыхливости, ни надсадного хрипа, даже смеялись, хотя, помимо груза за спиной, им приходилось тянуть тяжёлые, трёхкопильные нарты. Правда, когда дорога пошла в гору, охотники в качестве пристяжных запрягли в нарты четырёх собак, по одной с каждой стороны, но всё равно в коренных шёл человек.

На место Илья приплёлся в полубморочном состоянии, на автопилоте. Конечно, последним. Ему помогли снять крошни, и он тяжело плюхнулся на какую-то заснеженную лавку возле какого-то заснеженного сруба, долго разглядывал плавающие перед глазами радужные разводы.

Постепенно способность соображать и видеть к нему вернулась. Из разговора охотников понял, что за время их отсутствия в «кыйсян керка» успела побывать росомаха. Ничего съестного не нашла и в отместку обгадила пол, нары, перевернула стол. Теперь в избе стоит жуткая вонь. Уборку, однако, решили отложить до утра, а ночь скоротать у костра, под навесом.

Правда, разжечь костёр никак не удавалось. Опытный Прокоп Як раз за разом бил кресалом по кремню, и сноп искр падал точно на пук пакли. Но погода последнее время держалась влажная, и подсуха воспламеняться не желала. Илья некоторое время наблюдал за действиями старшого, потом открыл свою пороховницу, болтающуюся на поясе, и слегка «присолил» подсуху. После первого же удара по кремню пламя пынуло во все стороны, и подсуха загорелась вся разом. По изумлённому молчанию артельщиков Илья вдруг понял: в их глазах, он совершил сейчас настоящее открытие. Хотя... чего уж там? Ружьё-кремнёвка действует по тому же принципу. Единственная разница — порох рассыпью. Прокоп Як, наконец, обескураженно поскрёб пальцем седеющий висок.

— Ерёма правду баял. Илья умный, бери его. Жалеть не станешь.

Илья пожал плечами. Но похвала всё равно была приятна.

Глава 11

Утром Илья смог, наконец, осмотреться. На небольшой поляне, не слишком живописной в этой время года, стояли несколько строений. Приземистая охотничья изба, под односкатной крышей, с полом, с глинобитной печью в углу и с просторными нарами человек на десять. В продолжение избы имелись сени; пол здесь был земляной, и — подобие очага для готовки пищи. Для хранения промыслового инвентаря, продуктовых запасов и добытой дичи напротив избы был срублен сдвоенный лабаз, приподнятый над землёй на столбах-опорах. Илья слышал про такие, но видеть пришлось впервые.

Внизу, на берегу лесной речушки, стояла, по-видимому, банька. Зарастать грязью себе здесь не позволяли.

Ещё один сруб, без окон, с узкой дверью, щелястый, был похож на амбар. Позднее Илья узнал: в этом амбаре на сквозняках и морозе проветривалась верхняя одежда и обувь, чтобы от них не пахло на охотах дымом и человеческим духом. Для собак из длинных брёвен были срублены капитальные конуры-секции. Всё на мху и под крышей.

Сегодня, догадался Илья, день приезда и день сборов на завтрашнюю охоту. Артельщики разгружали нарты, крошни, раскладывали всё по кладовым. Кто-то перебирал капканы, ладили петли-силянки, возились с самоловами. Вашка и Иркап чистили после росомахи избу, но, кажется, не слишком успешно. Запахи пропитали дерево, не помогала даже горячая вода, и тогда избу решили основательно протопить, как баню.

Сам Прокоп Як занимался готовкой: варил в артельном котле кусок лосятины и резал на бересте давешнюю печень. Чтобы не раздражаться запахами, Илья взял пару пустых вёдер и отправился к речушке. С удивлением обнаружил прямо напротив баньки «закол» и две «морды» в воде, одна по течению, другая против. Уже успели поставить. Прошёл метров с сотню берегом — ещё один. И ещё. Любопытно, что тут за рыба водится? Ручей, по сути. Но было приятно, для охотников это всего лишь подножный корм.

На следующий день Прокоп Як взял Илью с собой, на «путик». Набираться ума. За спиной у каждого снова было по мешку: с привадой, с капканами, с продуктами на пару дней, топор, «койбедь» и одна кремнёвка на двоих. На всякий случай. Вышли затемно и к месту, откуда начиналось охотничье уголье «юры», притопали самый раз, к рассвету.

Илья сразу понял: комментарий от Прокопа Яка не будет. Что увидел и понял, то твоё. Первое, что он увидел, — исключительная продуманность и не случайность маршрута. Тропа кружила мимо ягодников и болотин с кочками, усыпанными

клюквой, петляла вдоль речушек и по мелким осинникам — излюбленным местам заячьих зимних жировок; пересекала звериные тропы, выбегала на водопои, на камешники и песчаные осыпи, проходила вблизи бобровых хаток с многочисленными запрудами...

Для Прокоп Яка первый снег был особенно важен: за два дня он проинвентаризировал всё имеющееся в его угодьях зверьё и птицу и, кажется, остался доволен. Только глухариных выводков, которые ещё не распались, насчитал около шести десятков. Но была и плохая новость. На участке обосновались две росомахи. Одна крупная, другая вполовину меньше. Это значило, что вся привада в самоловах будет сожрана, а если какая-то добыча попадёт, то первой на месте опять же побывает росомаха.

Мешок с капканами Прокоп Як сразу повесил на дерево, как только обнаружился след. Охота на одной территории с росомахами не имела смысла, и от этой компании необходимо было избавиться. Или самому перебираться в другие места. Прокоп Як насторожил с десяток «кулём» давящего типа, рассчитанных на медведя и росомаху, разложил приваду.

Илья даже заподозрить не мог, что лежащие под ёлкой, заснеженные валежины и срубленные на метр от земли пеньки — это и есть «кулёма». Он помог Прокоп Яку уложить отсыревшие брёвна на перекладину, и, когда увидел, как действует хитромудрая насторожка, его даже морозом продрало по спине. Такая «кулёма» была страшнее гильотины. Она с лёгкостью дробила кости, череп, зато шкура и мясо оставались в целости и сохранности.

Вместо двух дней, как рассчитывал Прокоп Як, необходимых, чтобы насторожить все самоловы, обернулись за день. Ставили только силки на рябчика, в недоступных для росомахи местах. Приманкой служила веточка рябины.

К ночи, кроме них, на базу вернулся один Софрон, назначенный дежурным. Остальные охотники остались ночевать в угодьях. Этот Софрон был совсем ещё не старый мужик, едва ли до сорока, но с такой окладистой бородищей, похожей на копну, что было непонятно, как и куда он просовывает ложку. Оказалось, лицо мужику изуродовала рысь — видать, посчитала за добычу и спрыгнула с дерева прямо на плечи. Узнав про росомах, Софрон покачал головой. Посоветовал не терять время и перебраться на другой путик, место есть. Но по лицу Прокоп Яка было видно, как нелегко из-за двух пакостливых тварей уходить из родовых угодий, где всё давно оборудовано, сосчитано, помечено и даёт стабильно высокий урожай. Он поэтому промолчал.

У Софрона была хорошая новость. Возле своей землянки, на путике, он обнаружил следы «деда», трёхдневной давности.

— Спать пошёл.

Софрон отправился по следу и через полтора «чомкост» обнаружил место залегания: там, где «лач», возле «тыкола».

Илья прокрутил в голове свой пассивный словарь и понял так: «лач» возле «тыкола» — это возвышенность посреди болота, с озером, а «дед» — табуированное имя медведя. Называть зверя прямым именем здесь избегали; считалось, что слухи в лесу распространяются быстрее, чем по деревне, и замыслы охотников становятся известны не только самому зверю, но лесным духам «мути», а это может помешать охоте. Росомаху, к примеру, росомахой тоже никогда не называли. У неё было несколько имён: «хитрая», «воровка», «вонючка» и просто «она». В разговоре все эти имена употреблялись иной раз вперемешку, чтобы окончательно запутать духов и росомаху относительно своих планов.

Илья, однако, спросил из любопытства, как Софрон узнал, что «дед» пошёл спать.

— Походка такая. Как пьяный мужик. На ходу спит.

В данном случае речь шла не об обычном медведе. «Дед» был личность известная. Огромный, как вот эта стена леса. Где он ступил, втроем сидеть можно, места хватит. Даже шкура у него давно не бурая, а песчаного цвета с проседью. Долго живёт, лет двести. Никого не боится, даже «хозяина». В подтверждение слов, Софрон достал из лузана жёлтый клочок шерсти, оставленный «дедом» на сучьях.

Прокоп Як согласился.

— Хозяину дед сильно надоел. Умирать пора.

Кто такой Хозяин, Илья тогда не сразу уразумел. У него тоже было много имён: «ворса» — лесной, «вор польо» — лесной старик, «вор олысь» — обитатель леса, «гонапель» — мохнатое ухо, просто «поль» — прадед. И ещё с десятка других. Хозяина просили об удачной охоте, совершали жертвоприношения, извинялись всем миром, если случался с чьей-то стороны проступок. В красном углу, в «кыйсян керка», на отдельной полке стояла даже вырезанная из куска дерева горбатая фигура Хозяина, настолько архаичная, что трудно было представить хотя бы приблизительно облик божества.

Прокоп Як и Софрон переговорили и решили до весны «деда» не оставлять. Брать через две недели на берлоге, «пока весь жир через лапу не высосал».

На следующий день старшой показал Илье его путик, вдвое укороченный, но с выходом на реку, к лодке. На пару они зарядили около сотни «слопцов», «плашек», «пастей», «кулёмок», «петель», поставили капканы. Потом Прокоп Як объяснил, что такое «парить». Это значило, что Илья, как всякий новичок, утром должен вставать до того, как встанут охотники, должен приготовить плотный завтрак, вымыть посуду, потом сходить на охоту и проверить свой путик. К приходу охотников у него должен быть готов ужин и корм для собак, заготовлены впрок дрова, заранее протоплена печь в избе. Это основные обязанности, по мелочи набиралось вдвое больше.

И колесо закрутилось. Вначале Илья не успевал ничего, кроме завтрака и ужина. Здесь это было святое. Потом приноровился, и жить стало легче. Особенно доставала печь в избе, которая топилась по-чёрному. Пока печь не нагрелась, а на это уходил час времени, дым даже при открытых дверях гулял по избе до самого полу, не продохнуть. Потом тяга устанавливалась, и дым наружу начинало тянуть через дымоволок, специальное отверстие в стене под потолком.

Илью это удивило. В деревне даже бани топились по-белому.

Однажды, проверяя «морды», он наткнулся возле ручья на дуплянку подходящего диаметра. Отрезал от ствола полтора метра, выбрал остатки трухи и в несколько слоёв промазал внутреннюю полость глиной, смешанной с песком. Получилась труба. Готовую трубу Илья просунул снаружи через дымоволок в печное отверстие-дымоход и обильно примазал всё сооружение глиной. Теперь печь в «кыйсян керка» топилась тоже по-белому, без дыма.

Простоту решения, а главное, результат артельщики дружно одобрили. Теперь хотя бы верхнюю одежду можно было не только вымораживать, но и сушить. Авторитет Ильи поднялся на недостижимую высоту. Но сам он отлично сознавал: его авторитет иного рода. Сильным охотником он не сможет стать никогда; не потому, что опыт и навыки нарабатываются с детства, просто они — другие. Принципиально иная цивилизация.

Ни одна шишка с дерева не падала для зыряннина-охотника просто так, всё имело свой смысл, свои причины и последствия. По цвету воздуха, по направлению и силе ветра, по качеству снега, по шуму деревьев, по вороньему граю, по характеру следов

на снегу, и тысяче других примет, каждый из охотников всегда знал, какая будет погода: сегодня, завтра... через неделю. Но определялось это не суммой знаний, а всё схватывалось как-то разом, на уровне подсознания, что ли? Иначе говоря, охотники, как звери, всё ощущали шкурой. И только когда Илья начинал приставать с распросами, тот же Софрон, разминая в корявых пальцах пригоршню снега, бубнил первое, что приходило на ум:

— Вишь, снег... крупка. К морозу, стало быть. Ствол у липы вона, седой. Ворона сидит... гляди.

— Ну, сидит. И чего тогда?

— Дак хохлатая! Башку вжала. Её теперя палкой не сковырнёшь.

Напоследок сообщил, что «пять дён» будет морозить. Пять «дён» и морозило, Илья нарочно сосчитал, ни полдня дольше.

Что такое заплутаться в тайге, для зырянина вообще было непонятно. В каждом будто сидел встроенный навигатор. В любую непогоду, в снегопад, метель, даже ночью, когда, казалось, ни зги не видно, они ходили уверенно, никогда не сбиваясь с курса. Зато Илья, к своему стыду, умудрился заплутать во время пурги, днём, в ста шагах от базы и наткнулся на неё совершенно случайно.

Если способность предугадывать погоду и ориентироваться на местности ещё можно было как-то понять, то способность общаться друг с другом, находясь на расстоянии в несколько десятков «чомкост», разумному объяснению не поддавалась. Однажды четверо охотников почти одновременно появились на базе. Взяли продуктов на два дня и тут же ушли в лес. Назавтра поднялась сильная метель. Илья, правда, успел спросить перед уходом, куда они собрались. Ответ прозвучал уклончиво:

— Прокоп Як сказал. Ждёт.

Илья вначале не придал словам никакого значения. Видимо, была предварительная договорённость. На самом деле, охотники отправились на облавную охоту. Три дня назад Прокоп Як обнаружил в еловом подлеске семейство лосей, которое избрало ельник местом зимовки. Затем дождался непогоды (метели), когда лось гложет и слепнет, и с подветренной стороны к нему можно подобраться вплотную. «Сообщил» артельщикам.

На следующий день, к вечеру, на базу прибежал Иркап. Собрали все нарты (четыре штуки) и побежали обратно, вдвоём. Из стада в двенадцать голов артельщики отстреляли трёх крупных самцов. Самок, лосят и подростков не тронули.

Позднее Илья спросил: почему Прокоп Як ему ничего не «сказал»? Ответ был простой:

— Ты не слышишь.

Но это было потом. А неделю спустя после заезда (Илья как раз оставался на базе один, «парил») ему в голову вдруг ударила мысль, которая прежде почему-то не приходила: «Что он здесь делает»? Илья как бы очнулся и вдруг удивлённо заозирался по сторонам, словно человек, вышедший внезапно из состояния амнезии.

В полной прострации, не соображая, он просидел до самой ночи, пока не вернулся Прокоп Як. Старшой был доволен: свалил возле костра две свежесодранные, росомашьи шкуры и мешок, под завязку набитый рябчиками. Но состояние Илья заметил сразу. Подсел.

— Говори.

Илья не знал, чем этот человек может ему помочь. Нехотя обронил:

— Мать с отцом... четыре месяца уже. С ума, наверное, сходят.

Прокоп Як, внимательно глядя в его потерянное лицо, сказал непонятную фразу:

— Слетать надо.

Вскоре подошли ещё двое охотников, Софрон и Урсим, тоже гружёные. Но вместо того, чтобы заняться как обычно обработкой дичи, разложили посреди заснеженной поляны большой огонь. Когда дрова начали прогорать, Урсим с Софроном, по обе стороны костра, раскачиваясь из стороны в сторону, начали что-то петь без слов глухими, низкими голосами. Вскоре в воздухе над костром образовался какой-то посторонний гул; он то затихал, то вновь набирал силу и уходил вверх, будто в воронку. Прокоп Як, голый до пояса, кружил вокруг огня на полусогнутых ногах, странно держа руки, голову, и постоянно убыстряя темп. Вскоре он превратился в волчок, начал хватать из огня пригоршнями угли и сыпал ими голову. Показалось... даже глотал. Вдруг он с криком вытянулся в рост, как вкопанный, и — замертво рухнул на снег.

Илье сделалось не по себе. Перед ним, зарывшись лицом в снег, лежал... бездыханный труп! Илья инстинктивно дёрнулся, чтобы переложить тело хотя бы на свой лужан, но Софрон жёстко остановил его:

— Нельзя двигать. Тогда вернуться не сможет.

Прошло, как показалось Илье, около часу. Мертвец вдруг медленно перевернулся на спину и сел, глядя перед собой мутными, незрячими глазами. Но постепенно жизнь в них возвращалась, зрачки начали двигаться, появился осмысленный блеск. Мертвенно бледное лицо тоже набирало живые краски. Наконец, Прокоп Як встал, набросил на себя одежду. Поманил Илью.

— Был у тебя дома. Мать борозду прогрела, полола чего-то. Потом картошки подкопнула, морковь надрала. Ещё чего-то. Весёлая, напевает. В дом ушла... Отец за баней сидят. С ним какой-то мужик, усатый. Трубку курит. Отец его Михаил называет. Ремонтируют... Соха, то ли плуг? Долго на них смотрел, не понял, чего ремонтируют. У отца на ногах обувь красивая, сверкает. Курит много, даже пальцы жёлтые сделались. Тебя они не ищут. Два дня всего нет, рано искать. Дома у тебя всё хорошо, все здоровы.

Илья понял ровно половину. Усатый Михаил с трубкой — это знакомый механик с промбазы. С мотокультиватором возятся. Значит, не выдержал отец, со стороны человека пригласил. На ногах, да, калоши новые. Сверкают, всё правильно. А мать?.. Почему в конце ноября она борозды решила прогреть? Откуда морковь?.. Что за два дня?

Но расспрашивать Илья почему-то не стал. Тогда он даже не осознал, свидетелем какого феноменального явления ему довелось быть. Слишком всё произошло обыденно, без фанфар и рекламной шумихи. Больше походило на «фокус-покус».

Глава 12

С того дня, когда Софрон обнаружил на снегу следы «деда», прошло две недели. Накануне большой охоты, уже в сумерках, «юра» подошёл к каждому из артельщиков с одним и тем же вопросом: «Я куда-то собрался, ты идёшь или нет со мной?» К ночи злобные «мути» обычно отправлялись на покой, но чтобы не возбудить их любопытство, Прокоп Як сообщил о своих планах в крайне иносказательной форме, причём сделал это как бы между прочим, словно собрался пойти к ручью за водой. В ответ артельщики молча кивали или выражались так, что происходи это в других обстоятельствах, вряд ли сами поняли, о чём идёт речь.

Но неожиданно возникла заминка; вернувшийся с путика Софрон на вопрос «юры», пойдёт он с ним или нет, промолчал. Спустя время «юра» повторил вопрос. Софрон с сомнением покачал головой и выразился в том роде, что для тайги «дед» то же самое, что Еремей для деревни. Всем худо будет.

Похоже, «юра» был готов к такому повороту событий. Он собрал всех охотников в «кыйсан керка», заложил дверь на засов, наглухо занавесил окошки и печной зев. Потом долго перечислял все преступления, которые «дед» совершил против зырян-охотников: сколько хороших собак задрал, кого из людей поувечил, кому вовсе башку оторвал, сколько оставленных в лесу туш украд, как зверьё из угодий прогонял и самоловы зорил, как охотников в лес не пускал или целыми днями ходил по пятам, не показываясь на глаза, и пугал. Короче, понял Илья, по совокупности содеянного «деду» полагалась расстрельная статья.

Несмотря на безупречные доводы обвинения, в конце расстрельного списка в голосе «юры» почудились неуверенные нотки. Похоже, чувство милосердия даже у него уравновешивало доводы рассудка и желание рассчитаться с обидчиком. Софрон по-прежнему отмалчивался, сидя в углу, хотя «дед» только у него в разное время задрал четырёх собак. Конечно, охотники легко могли обойтись без Софрона, но случай был не рядовой, и одобрение каждого члена артели считалось важным.

Долго сидели молча. Наконец, Прокоп Як обвёл артельщиков тяжёлым взглядом.

— Ворса надо спросить.

С этим предложением согласились все, хотя, Илья уже знал, лишний раз даже по очень важному поводу к «хозяину» обращаться избегали. Особенно в случаях, когда у того не было в деле своего интереса.

Заручившись согласием, «юра» отвязал с притолоки полотняный мешок, достал из него пучок сухой травы и окропил водой. Затем зажал траву в светец над пламенем лучины и поставил в красный угол, к ногам деревянного идола. Влажная трава обильно закурилась, распространяя по «кыйсан керка» удушливые болотные ароматы. Артельщики встали в полукруг перед идолом и глухими голосами затянули какой-то древний языческий распев. Вероятно, заклинание. В восходящих струях дыма деревянный истукан словно ожил — начал двигаться, странно ужиматься, гримасничать (!), а его чёрная, нелепая тень заплясала по стенам и потолку в загадочном танце.

Илья стоял сзади и с любопытством наблюдал за действием. Но низкие, монотонные голоса, тяжёлый аромат дыма, с каждым вздохом проникающего в кровь, беспорядочные метания чёрной тени незаметно погружали сознание в гипнотический транс, освобождая место для иных восприятий. В какой-то момент ему показалось, будто он сел на электрический стул — каждый волосок на теле стоял дыбом; потом пальцы рук начали судорожно сжиматься и разжиматься, а в голове затрещали электрические разряды и, судорогами пронизывая тело, уходили в пол...

После «стула» осталась жуткая слабость, когда ты не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, и — ощущение потустороннего присутствия. В «кыйсан керка» отчётливо пахло могилкой...

Когда Илья пришёл в себя, артельщики угрюмо разбредались по углам. Наконец, Прокоп Як обронил:

— Юма надо варить.

Вашка и Урсим справились на двор варить сладкую жертвенную кашу из ржаной сечки. Другие охотники на куске льна рассыпали для просушки порох и легли спать. Наутро все артельщики поднялись, словно по команде, и, выбравшись наружу, встали вокруг костра под навесом. Подвешенный над ещё дымящим кострищем артельный котёл с «юма» оказался наполовину пуст. Это обстоятельство, похоже, привело зырян в некоторое недоумение. Илья, наконец, не выдержал и спросил у Вашки, что происходит? Молодой охотник жестом поманил его за собой в «кыйсан керка». Плотнo прикрыл дверь.

— Вчера Хозяин был здесь, ничего не сказал. Худого не сказал, доброго тоже не сказал. Молча ушёл. Тогда сварили для Него юма. Так делают, когда идут на большого зверя. Если за ночь Хозяин юма съел, котёл пустой — охота удачный будет. Если не тронет юма, котёл полный — лучше не ходи на охота. Худо будет. Сегодня в ночь Хозяин съел только половину юма; снова не сказал ни «да», ни «нет». Сказал, сами решайте.

Прокоп Як, однако, велел всем собираться. Перед выходом он бросил в костёр поверх углей несколько можжевельных веток. Охотники прошли сквозь очистительный дым трижды, затем отвязали собак и двинулись в путь.

Илья вдруг поймал себя на том, что глубоко верит в можжевёловый дым, в жертвенную кашу, в деревянного идола, в злобных «мути», в другие прочие обряды и магические действия, которые ежедневно совершали зыряне-охотники, хотя сам мало что в этом понимал. Несмотря на христианские имена и нательные кресты, которые они носили скорее как украшения, все зыряне были, безусловно, язычниками...

До места залегания «деда» не дошли шагов триста. Софрон ткнул рукавицей в замороженную группу деревьев и предложил, как выгоднее расставить стрелков. Обговорили некоторые подробности охоты, и с этого момента все обязаны были действовать молча, объясняться следовало только знаками. Прокоп Як срубил жердь, и артельщики, придерживая собак на сворке, двинулись вперёд.

Берлога оказалась под огромным выворотнем и кучей деревянного хлама, занесённого снегом. Но над сугробом, если приглядеться, курился лёгкий парок. В морозном воздухе собаки тотчас почуяли запах. Шерсть на загривках встала дыбом, и глухие, рыкающие звуки заворочались в глотках. Дальше охотники действовали быстро — встали на позиции, отоптали снег, установили ружья на сошки и... спустили собак. Яростный, многоголосый лай словно взорвал таёжное безмолвие.

Прокоп Як с размаху засадил в сугроб вырубленную жердь и начал безжалостно вращать её из стороны в сторону, нащупывая логово. Зашёл с другого боку и снова загнал её под кучу почти наполовину. Жердь вдруг рванулась у него из рук, встала колом и... Прокоп Як, не спуская с неё глаз, быстро отошёл в сторону, за дерево. Изготовился к выстрелу. Огромный сугроб зашевелился, и — появилась голова. Вернее, ноздри. Они шевелились, тянули в себя снаружи посторонние запахи, явно анализировали обстановку. Присутствие зверя сводило собак с ума, они так и норовили вцепиться в нос. И вдруг медвежья лапа катапультной выстрелила из-под сугроба вместе с кучей хлама и накрыла потерявшего опаску пса...

В этот момент грохнул выстрел. Прямо в сугроб, в отверстие кроваво-смадную пасть. И сугроб словно взорвался. В облаке снежной пыли над выворотнем вздыбилась бурая, бесформенная громадина, и страшный утробный рёв содрогнул окрест. С близстоящих, заснеженных елей шумной лавиной сошёл снег.

Грянул второй выстрел. Со стороны Прокоп Яка...

Медведь «ухнул». Замер на мгновение и — тяжело повалился в снег, в полный рост, вытянув вперёд лапы. Из-под поверженной туши с истеричным визгом вывернулась подмятая лайка и в слепой ярости вцепилась в медвежий загривок. Урсим, Вашка, Иркап и Илья ещё некоторое время держали поверженного зверя в прицеле, пока Прокоп Як и Софрон не убедились, что всё кончено, и отогнали собак.

Орудя топорами, охотники отрубили концы медвежьих лап с когтями, выбили клыки и подрезали сухожилия. Затем вшестером, помогая себе вагами, перевернули громоздкую тушу на спину. При полном молчании Прокоп Як ножом вспорол шкуру от глотки до хвоста, взрезал брюшину слева, под рёбрами, и закатал выше локтя рукав. Потом он сунул руку в разрез, нащупал и — вырвал сердце.

Теперь медведь считался окончательно мёртвым. Охотники могли разговаривать, не опасаясь быть услышанными.

Илья обошёл добычу со всех сторон. Это был крупный самец. Даже очень крупный. Но не «с эту вот стену леса». И не песчаного цвета с проседью, а обычный, бурый. Илья с немым вопросом в глазах обернулся к Прокоп Яку. Тот, конечно, понял вопрос. Покачал головой.

— Это не «дед».

Охотники взялись свежевать добычу, а Илья и Урсим отправились за нартами, которые были брошены на полпути, чтобы не спугнули удачу. По дороге Урсим рассказал, что «дед» ложится спать намного позже других медведей, а иной год и вовсе не ложится, бродит по тайге от Белого моря до Урала всю зиму; многие видели его следы. Нынче он решил лечь спать, но когда пришёл к своей берлоге, место оказалось занято.

Илья засомневался.

— Почему Софрон, сильный охотник, не заметил, что след уходит дальше?

— Софрон не мог подходить близко. Нельзя. Зверь слышит. Поэтому дед сумел обмануть Софрона, сделал большой скидка и ушёл по чапыге. Спрятал след.

Илья сразу вспомнил непролазный кустарник (чапыгу) в нескольких шагах от выворотня. «Дед» сделал скидку прямо в кусты, поэтому его след «оборвался». А Софрон ближе подойти не мог: две недели после залегания медведь ещё не спит, просто дремлет. Он без труда может причуять человека и покинуть своё убежище.

Илья долго обдумывал ситуацию и снова засомневался.

— Урсим, если дед такой умный, почему он решил залечь на зиму под носом у Софрона? Да ещё оставил на снегу след.

Неожиданно Урсим рассмеялся. Оказалось, Софрон думает так же, как Илья: «дед» очень умный, он никогда не ляжет на зиму в охотничьих угодьях. Дело в другом. Софрон два раза мог, но не стал стрелять в «деда», хотя тот задрал у него четыре собаки. Теперь за каждую собаку «дед» дарит Софрону по медведю. Как сегодня. Уже три медведя подарил. И это сушая правда, все знают.

Очень похоже на баснословие, подумал Илья. Хотя, в общем-то, всё понятно: в тайге непременно должен обитать «дед», чтобы будоражить воображение и быстрее гонять по жилам кровь.

Глава 13

В середине декабря, — Илья возился с сетью, вытаскивал в одиночку из-под льда, — на реке показались две точки. Вскоре он разглядел лошадей, запряжённых в розвальни, и фигурки людей. Тоже двое. Пока выбирал рыбу, повозки поравнялись. Оказалось, дед Еремей и... внучка Весяна. Илья с дедом обнялись. Похлопали друг друга по плечам. Весяна из-под беличьей шапки поглядывала дичком. Илья рассмеялся и крепко поцеловал девушку в румяные губы. Она вспыхнула, как снегирь на весеннем снегу, закрыла лицо ручкавичками. Даже дед Еремей хмыкнул и отошёл к проруби. Потыкал «койбедь» в ещё шевелящуюся горку рыбы.

— Налим... гольный.

На пару с дедом быстро перебрали сеть. Прополоскали и повесили в ёлки: обтекать и вымораживаться. По дороге на базу Еремей пояснил: через пару дней заметёт настоящему, надолго, и в тайге ляжет глубокий снег. Об эту пору он всегда приезжает за артельщиками. А внучка... эта сама увязалась. Не отлеписься. У Мохчи тоже всё хорошо: живот растёт, к лету, глядишь, разродится. Утицей Мохча по избе плавает, вся насквозь светится.

К приезду деда Еремея артельщики были готовы. Переложили поклажу в розвальни, что не вошло — на нарты. Отправились ночевать. За ужином Еремей сообщил: был купец, много товару забрал. Мясо, птицу, меха все подряд; рыбу солёную, свежую, вяленую тоже забрал. Серебром хотел платить, но Еремей от денег отказался, тоже товаром взял, на обмен. Брал муки до ста мешков, крупы разной, соли столько-то пудов, полотна льняного столько-то аршин, сукно взял, припасу ружейного на год (порох, свинец, капсюль), ящик стекла, инструмент разный... И долго ещё дед Еремей перечислял всякую мелочь, до последнего гвоздя. Илья понял так: это что-то вроде годового отчёта. Артельщики слушали внимательно, иногда переспрашивали, но, в результате, все остались довольны.

Утром, чуть свет, обоз тронулся в обратный путь...

В деревне Илья прожил до весны, до ледохода. Чинили с Еремеем старые сети, рыболовушки, вязали новые, выделывали шкуры, ремни, собирали кадушки, рыбачили, но большую часть времени Илья проводил в кузнице. Прослыл за мастера, это признал даже Еремей. Илья согласился: если год изучать сопромат, то в железках поневоле начнёшь разбираться.

В феврале охотники снова подались на промысел. На этот раз без Ильи. Он не стаивал. Мысль о доме, о родителях всё чаще посещала его, но как будто из другой, теперь уже чужой, не его жизни. Чужой жизни ему было совсем не жаль; просто хотел объясниться с родителями, успокоить их и вернуться обратно в деревню, где он чувствовал себя вполне счастливо.

Однажды, возвращаясь с рыбалки, Илья попал в густой туман. Дальше плыл вдоль берега, чтобы не заплутать, но, наконец, пристал. Ориентироваться, как прежде, на течение не приходилось. Это только первое время он думал, что деревня стоит на реке; оказалось, на длинной, сквозной протоке со многими рукавами. Когда вода стоит низко, течение идёт в одну сторону, когда высоко — в другую, а во время половодья массы воды, постоянно прибывая, и вовсе ходят по кругу, то закручиваясь в воронки, то устремляясь в разные стороны и заливая всё новые пространства.

Илья вышел на берег. Под ногами лежал мокрый, пористый снег, редкие проталины сочились водой и хлюпали под ногами. Про костёр можно было забыть. Он наломал пихтового лапника и набросал на дно лодки. Лёг сам. Сверху укрылся бараньей шкурой и, как в яму, провалился в глубокий сон.

Спустя время, лодка сама собой отошла от берега и, мягко покачиваясь на водной зыби, призрачной тенью растаяла в густой пелене тумана...

Илья проснулся, когда начало припекать. И не сразу сообразил, где находится. Вокруг рыжие камыши, осока. На корме трясогозка хвостом дёргает. Он выгреб из камышовых зарослей на воду и удивился. Это же Кама!

Что за чертовщина такая? Каким образом его сюда вынесло? Сразу вспомнил, что так и не сподобился расспросить Еремея, где они с Мохчей его подобрали, и далеко ли от деревни до зырянской гати? Обругал себя последними словами, поозирался и решил плыть вдоль берега против течения. Если и снесло, то километр-два, не больше. Грёб час, другой, но никаких протоков, рукавов справа по ходу не наблюдалось. Он ухватился за прибрежный куст, чтобы передохнуть. Огляделся из-под руки. Вдруг ему показалось, что впереди на противоположном высоком берегу Камы, в сосняке, курится лёгкий дымок. Приналёг на «нелыс». Если там кто-то есть, то сразу всё и выяснится.

Наконец, лодка ткнулась носом в берег. Илья сразу заметил затащенную в кусты резиновую двухместку. Значит, люди есть. Поднялся на кручу, и первое, что бросилось

в глаза — старенький «ГАЗ-69»! Дорогого Фёдора Егоровича! Илья враз воспрял духом, хотя, конечно, понимал, что упрёков на него свалится не меряно.

— Эй, парень! Ты кто? — раздался за спиной до боли знакомый голос.

Илья обернулся.

— Егорыч! Ну, блин... даже увидеть не надеялся! Искать, что ли, приехали?

Он радостно двинулся к Егорычу, но тот глядел на «парня» исподлобья и с недоверием. Даже отступил. Илья вдруг вспомнил, что на лице у него давно отросла кучерявая, густая бородка, усы. А волосы легли сзади на плечи. И прикид, соответствующий, — лужан, кожаные штаны в рыбьей чешуе и слизи. На ногах — зырянские «бакило». Да вдобавок кремнёвка в руке.

Илья расхохотался.

— Да я это, Егорыч! Я! Не сомневайся.

Но Егорыч как-то бочком-бочком зашёл на него со стороны, сбоку. Наконец, в глазах как будто прояснело.

— Илюха... ты, что ли? Тьфу, лешак! Какого хрена вырядился эдак? Чучела огородная.

Обошёл сзади.

— И бороду отрастил когда-то?

— Когда-то! — Илья даже поперхнулся. — За восемь месяцев я её до колен отрастить мог. Время было.

— Какие восемь месяцев? Я вон под утро на берег выходил. Гляжу, дрыхнешь в лодке. Потом умёлся куда-то. Ружья на берегу нет, ладно. Предупредил хотя бы, думаю. А сегодня, полдня не прошло, назад гребётся. С бородой уже.

Егорыч закатал рукав. Постучал по циферблату.

— Ну, правильно говорю. Два часа доходит. Гляди.

Илья был в шоке. Он вдруг увидел, что на дворе далеко не апрель. Лист на деревьях тёмно-зелёный, крепкий, местами с желтизной. И пестерь Пашкин возле палатки валяется. Ему показалось, будто он сходит с ума. Провёл ладонью по лицу.

— Пашка где?

— По лесу с Шариком шляются. Да будет он с минуты на минуту. Пожрать малый не пропускает.

Илья задумался.

— Егорыч, ты на берег, говоришь, выходил под утро. Я будто бы в лодке дрых. Так?

— Ну.

— А туман? Я в двух шагах слона бы не разглядел, не то, что лодку. Да ещё с берега.

— Да бог с тобой! Не было никакого тумана. И луница, будто фонарь висит. На тот берег видать.

Позрительный взгляд Егорыча надолго остановился на кремнёвом ружье.

— Это что за мортира? Выменял у кого?

Илья сунул полупудовую «мортиру» Егорычу в руки. Достал из салона бутылку водки.

— Счас, Егорыч, я тебе такую историю расскажу... уши, как у осла, отрастут. Идём к костру.

Не успел Илья начать повествование, из кустов выскочил Шарик и звонко облаял хозяина. Потом с виноватым видом облизал лицо и улёгся рядом, на снятый лужан. Зато у Паши Лыскова проблем с опознанием не было никаких. Он просто дёрнул Илью за бороду на предмет подлинности. Фыркнул.

— Первый раз вижу, чтобы за полдня такая бородень отросла. Ну, рассказывай тогда?

Егорыч кивнул: начинай, дескать. Я пока супешник заправляю. Но по мере рассказа все дела с готовкой отложил и только недоумевал:

— Откуда там деревне зырянской взятыся? Болота кругом. Да ещё не одна, говоришь?

Илья видел по глазам, что ему верят и не верят одновременно, да и сам многому, о чём рассказывал, не мог дать внятного объяснения, хотя про «петлю времени» слышал сотню раз. Однако реакция собеседников позволяла взглянуть на многие детали в ином свете. Егорыч, к примеру, слушал, слушал. Потом развёл руками.

— Не пьют, говоришь? Не воруют друг у друга. Все в доле. Это чего тогда, коммунизм у них получается?

— Но, первобытный! — гыгыкнул Пашка.

— Сам ты первобытный! У нас вон тоже до революции деревня общиной жила. Пропасть никому не давали. Это потом, когда большевики в Кремле окопались, всё наперекосяк пошло-поехало. Трудармии, лагеря, колхозы долбаные, индустриализация, беспризорщина. Народу под нож пустили не меряно. Счас вор на воре воров погоняет...

На обратном пути, спустя неделю, завернули к дядьке Ивану на кордон. Илье пришлось рассказать всю историю заново. Но старый лесник только плечами пожал: мол, да, слышал, были там когда-то деревни, но давно. По Порышу, по Весляне, в между-речье на озёрах. Ну, так зыряне, они и есть зыряне. Рыбы мало стало, зверь укочевал, они за ним следом, как нитка за иголкой. А сейчас в этих местах давно никто не живёт. Знали бы. Себя, правда, старожилом Иван не считает, двадцать лет назад поселились здесь с хозяйкой. Кроме них, других охотников в лесу куковать не нашлось, а ему тогда, после амнистии, на людские рожи смотреть тошно было. Вот и бросил якорь, на всю жизнь оказалось.

Почему-то старый лесник напрочь проигнорировал разницу во времени: восемь месяцев и — полдня. То ли посчитал за ерунду: мало ли люди врут, да ещё сами себе верят; то ли у самого склад мышления носил чисто прикладной, приземлённый характер. Даже на осторожные сомнения Егорыча относительно пропавшего в этих местах Васи Солоницына: не у зырян ли, дескать, находится, как Илья, — дядька Иван только отмахнулся.

— Из лодки дурак по пьяне вывернулся. Я эту лодку у коряги нашёл, привязана. Метров двадцать от берега. Пол-лодки воды было, и бутылка пустая болтается.

Разговор с Иваном оставил больше вопросов, чем ответов. Потом Илье ещё не раз приходилось рассказывать свою историю, но верили ему всё меньше, и, в конце концов, он перестал рассказывать совсем.

Глава 14

Однажды за Ильёй прикатил Егорыч на своём стареньком, свежеекрашенном «газике».

— Поехали. Кажись, нашёлся человек, побольше нашего с тобой знает. Я твою историю ему порассказал, а он ждал будто. Вези, говорит, парня. Скажу чего-то.

Проехали весь город насквозь, выбрались на окраину. Наконец, Егорыч притормозил возле одноэтажного, двухквартирного барака с палисадником. Взошёл на крыльцо.

— Вот тоже человек, всю жизнь советскую власть от врагов народа охранял. Ни хрена для себя не выслужил.

На стук открыла тихая, бесцветная какая-то женщина, впустила и больше ни разу на глаза не показалась. «Человеком» оказался дряхлый старик библейского возраста с тяжёлой формой астмы. Не ходячий. Он долго разглядывал Илью из-под вывороченных, слезящихся век. Потом заговорил. Но из-за свистящих хрипов и мучительной одышки голос был едва слышен, словно со старинной, заезженной насмерть, грамофонной пластинки.

— Их в двадцать девятом спалили... четыре деревни. Я тогда в почтовом ящике служил, в охране...

Старик назвал шестизначный номер ящика с дробью и надолго припал к ингалятору.

— Зона, короче. Он знает, сидел там.

Егорыч в ответ покивал. Незаметно тронул Илью за рукав, чтобы не вздумал перебивать.

— Зыряне торговать приезжали. Рыба, мясо... Шкуры сдавали. Подкармливали зону. Начальство с ними мукой, крупами расплачивалось, порох давали, нитки, скобяной товар привозили под заказ. Простодушный народ... в толк взять не могли: как это человека, будто скота безмозглого, в загоне держать? Объяснить им пытались... не понимают. Хоть кол на голове тёши.

Старик снова задохнулся. С трудом подавил надсадный кашель и долго лежал с налитыми кровью глазами.

— Бежали много тогда. Там две дороги. Одна на железнодорожную ветку. Этих сразу хватали. Другая — вниз по Каме. У зырян отсиживались по займам. Начальство это дело прочухало, конечно. Когда река встала, болота перемёрзли, к ним туда экспедицию наладили...

Отряд карателей под командой заместителя начальника колонии капитана Хотяева врасплох зырян, конечно, не застал. Хотя деревню перевернули вверх дном, обшарили все закоулки, никаких следов не обнаружили. Тогда капитан Хотяев взял в заложники группу малолетних детей и объявил, что будет расстреливать в день по «штуке», пока не выдадут беглых. Неизвестно, как повернулось бы дело, если в деревне в это время были мужчины-охотники. Но все они находились, как водится, на промыслах.

Первого мальчонку застрелили посреди улицы, в полдень. Капитан прокричал, что завтра в это же время убьют ещё одного. Но договорить не успел. В ответ грохнул выстрел. Вместо головы у капитана остались одни лохмотья. Какая-то баба бросила в снег кремнёвку, взяла вторую и уложила того, кто стрелял в мальчика. Повернулась и ушла в избу. Оправившись от замешательства, каратели бросились за ней, но из глубины двора снова один за другим прогремели два выстрела. И оба в цель. Ещё два труппа. Усадьбу сразу оцепили со всех сторон и открыли по окнам пальбу. Забросили даже пару гранат. Но кто-то увидел, что баба уходит через поле к лесу, не оглядывается даже. В руках ружьё. Начали преследование, стреляли. Наконец, видят... упала. Когда подошли, почти в упор — ещё три выстрела. Все три наповал. После этого изрешетили бабу. Думали, у неё кремнёвка, не опасались поэтому. А рядом с трупом «бокфлинт» лежит и несколько штук патронов, в пластике. Таких даже не видели в то время.

— Мохча!

У Ильи потемнело в глазах. Он с ненавистью смотрел на лежащего перед ним паляча и уже знал, что сейчас раздавит эту гниду, размажет по стене. Но «вохра» понял его немедленно.

— Меня на той бойне не было, парень. Я потом узнал... Из оперативных данных, кха...

Очередной приступ астмы надолго оборвал сбивчивую речь. Илья не выдержал, пинком вышиб дверь и, шатаясь, вышел на свежий воздух. Егорыч подобрал его в двух кварталах от дома бывшего охранника. Кое-как усадил в машину.

— Зря ты не дослушал старого. Он, считай, обеими ногами в могиле стоит. От кого ещё про эти дела узнаешь?

Илья подавленно кивнул. Но возвращаться, даже мысленно, в кровавое советское средневековье не было сил. По дороге, однако, Егорыч поведал то, о чём успел узнать сам.

...Когда каратели пришли в четвёртую деревню и начали жечь дома, с промыслов подоспели зыряне-охотники и всех перебили. От экспедиции не осталось даже следа. Такая же участь спустя две недели постигла второй отряд. Около сотни вооружённых до зубов карателей сгнули где-то в тайге вместе с обозом. Не вернулся ни один. Весной следующего года в паре вёрст от зоны охраны наша сожжённую, лагерную «полуторку» и брошенное посреди дороги тело начальника лагеря подполковника Рзаева. У подполковника были отрублены верхние фаланги пальцев на руках и ногах, выбиты клыки и подрезаны сухожилия, а сердце — вырвано и наколото на сук. Чтобы не ожил.

Егорыч покачал головой.

— Правду люди говорят: не буди лихо, пока оно тихо. Уж на что зыряне народ лесной, смирёный, а и этих, прости господи, достали уроды.

Уже возле дома он попытался утешить Илью:

— Может, и не Мохча это. Говорит, лет сорок пять бабе было. Которая отстреливалась-то...

